



НАТАЛЬЯ
БАРАБАШ

ОЖЕРЕЛЬЕ
ИЗ ЗОЛОТЫХ
ПЧЕЛ

КТО ОХОТИТСЯ ЗА КЛАДОМ С ЗАТОНУВШЕГО КОРАБЛЯ?

Географический детектив

Наталья Барабаш

Ожерелье из золотых пчел

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Барабаш Н.

Ожерелье из золотых пчел / Н. Барабаш — «Эксмо»,
2021 — (Географический детектив)

ISBN 978-5-04-156618-0

Две подруги – журналистка Маша и врач Лена – отправляются в оздоровительный круиз на яхте вокруг острова Крит в компании очень странных пассажиров. Во время плавания выясняется, что у молодого капитана Димитроса есть тайна: он нашел затонувший древний корабль и достал оттуда украшение – золотое ожерелье минойской верховной жрицы. Сразу несколько человек включаются в охоту за кладом. А с яхты начинают таинственно исчезать отдыхающие...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-156618-0

© Барабаш Н., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Заманчивое предложение	6
Глубокое погружение	8
Встреча с антикваром	11
Короткие разговоры	13
Встреча в «Посейдоне»	16
Незваные гости	18
Новая авантюра	20
Жрица нервничает	23
Ужин на причале	26
Встреча с попугаями	30
Кроватные разборки	32
Скрыть следы	35
Встреча с Миной	38
Кто дежурный?	42
Ресторан «Минотавр»	44
Запах смерти	45
Зеро сердится	47
Яхтенная стоянка	50
Визит дамы	54
Совет старейшин	55
Нечаянная встреча	59
Поездка в Кносс	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Наталья Александровна Барабаш

Ожерелье из золотых пчел

© Барабаш Н.А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Возьми ж на радость дикий мой подарок,

Невзрачное сухое ожерелье

Из мертвых пчел, мед превративших в солнце.

Осип Мандельштам

Остров есть Крит среди виноцветного моря, прекрасный,

Тучный, отсюда объятый водами, людьми изобильный;

Там девяносто они городов населяют великих.

Гомер. Одиссея. Книга 19, 172. Перевод В. Жуковского

Заманчивое предложение Остров Крит. Наши дни

Так влипнуть! Так бездарно влипнуть! Это надо уметь. И он сумел. Он вообще много чего может, если нужно вляпаться в какую-нибудь историю.

А тут уже не история. Тут уголовное дело.

Димитрос сидел на корме и с тоской смотрел на двух полицейских, роющихся в яхтенном пузе. Да только фиг что найдешь в этих горах бабского шмотья!

Впервые за десять дней на судне было тихо. По-кладбищенски тихо.

Два трупа за один круиз. Нормальненький рейсик!

Димитрос вздохнул. Вся его жизнь в последний месяц превратилась в кошмар. Почему он решил, что яхта – самое безопасное убежище? Зачем послушался Лукаса?

Он думал, если уйдет в море, проблемы останутся на берегу. Но они тихонько загрузились на борт вместе с пассажирками.

И ведь чувствовал подвох, когда Лукас завел свою сладкоголосую песнь:

– Димитрос, хочешь свалить на яхте с Крита? Не вопрос! Да ты просто счастливчик! У меня такой вариант! Садись, сейчас я тебя обрадую!

Димитрос сел на хлипкий пластиковый стул в крошечном офисе яхт-клуба Крита. Машинально обвел глазами стены, все в фотках несущихся парусников: когда-то владелец клуба Лукас насобирали на гонках кучу призов.

И не обрадовался.

Хороших рейсов ему тут не давали никогда. Во-первых, работал он не в штате, а только летом, когда у него в вузе были каникулы. Это сейчас он уже выпускник. Во-вторых, когда-то давно Лукас дружил с его отцом, а потом они разругались, что тоже отношения с работодателем не озонировало. Но тут вдруг Лукас – загорелый, как черт, костисто-поджарый, с черными глазами на веселом разбойном лице, ну чисто благородный пират! – бросился к нему как к родному. Протянул маршрутный лист:

– От сердца тебе рейс отрываю! Такого у нас вообще не было. Прикинь – восемь баб повезешь! На две недели. Эх, сам бы с такими курочками прокатился! Да здоровья уже не хватит. Повозишь их тут по укромным местам!

– Каких баб?

– Из России. Как раз твой контингент, ты ж на русском шпаришь как на родном. Они анкеты прислали – увидишь. Есть молоденькие, есть постарше. На любой вкус. Можешь среди них конкурс «Мисс грудь» провести. Только смотри, чтобы они из-за тебя не передрались, красавчик!

От этого «красавчика» Димитроса передернуло.

Внешность у него была так себе. Лицо смешливое. Глаза ярко-синие. Темные волосы торчат во все стороны – никак их не приладишь. Рост средний. Ну ладно, выше среднего. Но бугров мускулов не наблюдается. Руки и ноги слишком длинные. Для ныряния такое сложение хорошо. А для ухаживания за девушками... Если честно, больше всего Димитрос походил не на красавчика, а на веселого дружелюбного пса: помесь лабрадора со спаниелем.

Но сейчас была не та ситуация, чтобы лезть в бутылку.

– Когда выходить? – только и спросил.

– Послезавтра. Они написали – в шестнадцать часов приедут. Иди готовь яхту. На «Минос» пойдешь.

Тут Димитрос повеселел. Обычно Лукас его на всякую рухлядь ставил. А «Минос» лишь годика три отходил. Для яхты не срок.

На таком судне он вполне успеет с маршрута свернуть. И нырнуть, если рядом не будет посторонних глаз. Пассажиры не в счет. Что они понимают в черном дайвинге? Вот только как он управится с восемью женщинами?

– Чего задумался? Тебе чудом этот рейс достался. – Лукас смотрел на него с усмешкой. – Взял я нового капитана. Директор моего банка попросил пристроить сынка. Вышел он в море с корпоративщиками. Тут шторм. И этого идиота начало тошнить. С одной стороны пассажиры свесились, с другой – капитан. Нормально? Оказалось, у сыночка морская болезнь. Так что у меня вакансия. Сходи в рейс, там решим. Может, пойдешь на постоянку?

– Я подумаю, – сказал Димитрос. – Насчет постоянной работы. А в рейс пойду. Можно я на яхте переночую?

– Конечно. Правильное решение, – блеснул Лукас пиратским глазом. – Подшамань там все. И отдыхай. Все-таки тебе восемь баб улаживать...

Димитрос под хохоток Лукаса вышел, закрыл за собой дверь. И будто морок какой с него спал. Что-то было не так. Почему Лукас вдруг расщедрился? Работу предлагает, рейс дает. Не узнал ли чего?

И вообще, решит ли двухнедельное плавание вокруг острова его проблему?

Но легкая лодочка Димкиной судьбы уже понеслась по обманно-тихому морю...

Глубокое погружение За две недели до этого

Димитрос приглушил мотор старенькой лодки. Огляделся. Кажется, здесь.

И еще раз удивился переменчивому нраву моря.

Двое суток на Крите бушевал страшный шторм. Громадные волны, словно собаки, сорвавшиеся с цепи, злобно рвали берег на части, остервенело терзали суда, выкидывали лодки на берег. Такого мощного циклона, как говорят старожилы, не было лет сто.

И вдруг в один миг все стихло. Будто кто-то дунул сверху – фьють! И волны прямо на глазах из свирепых псов превратились в послушных, ластящихся к ногам. А потом и вовсе пропали, словно и не было.

Вода стала удивительно прозрачной – ее зеленоватая поверхность напоминала стекло, сквозь которое просвечивало далекое дно.

Димитрос решил нырнуть и, если опять ничего, плюнуть на это дело.

Столько времени и сил убито! А ведь, может, прадед был просто веселым выдумщиком.

Жила в их семье легенда, что в середине двадцатого века прадед, отличный ныряльщик, как и все мужчины их рода, нашел здесь останки древнего затонувшего корабля. Покрытый ракушками остов, а рядом – тяжелые амфоры, рассыпавшиеся украшения, статуэтки. Настоящий подводный клад.

Прадед увидел его, когда рискнул – опустился на пятьдесят метров. А достать ничего не смог: дыхания не хватило. Решил вернуться завтра со снаряжением.

Но на следующий день поднялась буря, подводное течение, как часто бывает в этих местах, вильнуло в сторону. Место, где лежал корабль, занесло песком и камнями. Клад скрылся и уже больше не показывался.

Так рассказывал прадед, поглаживая коричневую скорлупку небольшой геммы – древней печати: на ней была выбита голова быка.

– Вот увидите, – не вынимая старой изгрызенной трубки из губ, скрипел дед, – наше имя еще будет на табличках в музее! Такого никто не находил! Минойский корабль! Ищите!

Только в доме его уже никто не слушал.

– Признайся, дед, купил ты эту фигню на блошином рынке! – посмеивался Димкин отец (дома Димитроса звали Димкой по русской традиции, в память о матери). – Сколько мы ныряли – нет нигде твоего корабля.

Прадед ничего не отвечал. Лишь подмигивал со своей деревянной скамеечки внуку хитрым глазом. А один раз, когда уже совсем слабый был, поманил пальцем, вложил Димке в ладонь печать с быком и шепнул: «Ты! Ты его найдешь! Имя наше прославишь. Запомни: прямо между двумя скалами!» И показал два пальца буквой V, как актеры в боевиках.

Через день он умер.

Димитрос стал нырять в этом месте с тех пор, как научился плавать.

Мечтал: вот сейчас песок расступится. И он увидит прекрасный деревянный корвет, полный сокровищ.

Но находил только старые шлепанцы, оторванные якоря и один раз – золотой крестик. Димитрос обиделся и поиски забросил. Занялся парусным спортом. Все, что связано с морем, у него получалось отлично.

С делами на земле выходило похуже. Ни девушки – соседка, за которой он ненавязчиво ухаживал, весной вышла замуж. Ни работы – диплом морского биолога, который он в этом году получил, надежды на хорошее трудоустройство не давал.

А десять дней назад приснился ему сон. В нем прадед сидел на дне моря рядом со старинным судном и шамкал беззубым ртом:

– Что ж ты не идешь, внучок? Я же место тебе показал!

Снова пальцы растопыривает, достает откуда-то карту, на которой две скалы, похожие на рога быка, торчат буквой V, а от них идут две стрелки, которые в море сходятся.

Утром Димитрос проснулся, удивился, как хорошо помнит детали сна. И решил еще раз проверить семейную легенду. Попросил у соседа лодочку и методично прочесывал море у тех скал, что видел во сне. Без акваланга: кладоискатели и полицейские тут приметливые. Если засекут, как он что-то прицельно ищет, не видать ему ни клада, ни имени в музее. Отнимут – не одни, так другие.

За шесть дней он ничего не нашел. Вчера хотел нырнуть последний раз. Но шторм помешал. Значит, сегодня.

... Димитрос нацепил на талию ремень со свинцовыми чушками-грузилами. Надел маску, ласты и рыбкой ввинтился в толщу вод. Долго спускался в зеленую глубину: дно, казалось, было совсем рядом, но не приближалось – под водой расстояния обманчивы. Там даже время течет по-другому.

А когда наконец увидел обломки камней, ничего не узнал. Шторм все перемешал, сдвинул с места, разбросал валуны, как детские кубики. Димитрос проплыл над песчаной проплешиной, где застыли несколько тупорылых серых рыб. Уже собрался возвращаться.

Как вдруг... Что это?

В темной расщелине он увидел круглый, поросший ракушками бок, тоненькое горлышко... Амфора? Вдалеке виднелся длинный, поросший ракушками брус: остов корабля? Сердце радостно застучало. Но тут легкие запросили воздуха, уши сдавило толщей воды.

Он пошел вверх, с шумом вынырнул, запрыгнул на лодку. В кровь словно впрыснули адреналин. Неужели?!

Димитрос достал из рюкзака еще один брусок свинца и вддел его в пояс.

Да, опасно. С таким весом легко погружаться, но трудно всплывать. Но иначе до находки не дотянешься.

... Сначала он испугался, что потерял то место. Даже сердце сжалось.

Спустился ниже и наконец увидел серый круглый бок. Да, это была амфора. Но как же неудобно она лежала! Зажатая камнями, в глубокой расщелине. На такую глубину он еще не нырял. Тело расплющил многотонный пресс воды, уши заложило, в них ударила тупая боль.

Димитрос схватил амфору за тоненькую шейку и понял, что не сможет ее поднять. Сосуд был забит песком.

Димитрос выпустил амфору, огляделся и увидел, что рядом на камне лежит тоненькая, покрытая зелеными водорослями змейка.

Легкие у Димитроса схлопнулись, он еле сдерживался, чтобы не открыть ищущий вдоха рот. Схватил, не глядя, бугристую змейку, заработал ногами... И понял: слишком медленно, чтобы успеть.

Кислорода не хватало. Сознание стало туманиться, Димка уже с трудом понимал, где он, куда надо плыть. Движение вверх остановилось.

Он чувствовал, что парит в глубине, как птица в воздухе. Состояние невесомости было таким радостным, что не хотелось шевелиться. Лишь бы не спугнуть это блаженное парение, поток покоя и света, что уносит тебя дальше, дальше...

«Пояс!» – вдруг раздался у него в голове чей-то голос. Димитрос открыл глаза. Там, наверху, из толщи воды в лучах солнца на него смотрела мать.

Вообще-то он плохо ее помнил: она умерла, когда ему было пять лет. Но тут сразу узнал. Димка дернулся, из последних сил отстегнул с талии свинцовый груз и потянулся наверх, туда, к маминому лицу.

Вылетел из воды, вдохнул ошалевшими легкими драгоценный воздух. И потом – только дышал, держась за лодку и даже не имея сил посмотреть, что там в его левой руке...

Вот дурак! Досиделся до азотного наркоза с галлюцинациями. Да еще барабанные перепонки небось порвал. Не скоро он теперь сможет сюда нырнуть...

Димитрос неуклюже перевалился через борт лодки, полежал на дне, наконец разжал кулак и устался на заросшую подводным мхом находку.

Темное ожерелье из пчел. Один его край, очевидно, поцарапал во время шторма камень – там пчела сверкала ярким рыжим цветом.

Ожерелье было золотым и таким старым, что он не смог бы сказать, сколько ему лет.

Димитрос помотал головой, пытаясь вытрясти из уха тяжелый, как перестук груженого поезда, гул, и улыбнулся: нет, не так. Сколько ему тысяч лет.

Встреча с антикваром

Перед дверью без вывески в старом Ираклионе Димитрос несколько секунд постоял. Еще раз прикинул, стоит заходить или все же...

А потом толкнул дверь.

Колокольчик над входом надтреснуто звякнул, но никакого движения не произошло. Димитрос всмотрелся в душный полумрак заставленной всякой всячиной комнаты. Старинные люстры, туманные зеркала, толстопузые резные буфеты, напольные часы – футляры для времени, тикающие вразнобой.

Среди тесноты умерших вещей не сразу его и разглядел. В углу между бюро и комодом за письменным столом развалился очень толстый грек с тяжелой львиной головой. Седые волосы завитками спадали на плечи. Огромный бугристый нос обвис, как парус без ветра. На вид ему было лет шестьдесят, но он вполне мог бы сидеть здесь с начала времен.

Хотя колокольчик у входа звякнул, хозяин будто его и не слышал.

– Здравствуйте! – сказал Димка, не отходя от порога.

Грек поднял голову и рассеянно скользнул по визитеру взглядом. Его спрятавшиеся под тяжелыми веками глаза были похожи на снулых рыб.

Димка неуверенно шагнул к столу:

– Я вот... Про вещь одну хочу спросить...

– Показывай, – лениво сказал толстяк.

– Я не продавать. Просто посоветоваться. Хочу узнать...

– Показывай! – в надтреснутом голосе толстяка прозвучало раздражение.

Димитрос знал, что Ионидис не любит болтать, никогда не торгуется, а сразу назначает цену.

И себе цену тоже знает. Отец когда-то с ним работал, приносил потихоньку находки со дна, хотя рассказывать об этом не любил. В цене они, может, не сошлись. Сильно разругались, поэтому напоминать антиквару об отце Димитрос не стал.

Он засуетился, полез в рюкзак, открыл не тот кармашек, чертыхнулся, наконец нащупал холщовый мешочек.

Вытряхнул из него тяжелое ожерелье: дома он аккуратно почистил его от водорослей, но темный налет снимать не решился. Кто его знает, может, в нем вся ценность?

Ионидис кивнул на стол – мол, клади.

Димитрос расправил тяжелых пчел на коричневом сукне.

– Я думаю, они золотые, – сказал он. – И очень старые. Не могли бы вы определить, сколько им лет?

Ионидис не пошевелился, но Димка почувствовал, как собралось в комок его растекшееся по креслу тело.

Быстрым движением толстенькой руки он цапнул ожерелье и поднес к глазам. Повертел. Поскреб ногтем. Отодвинул ящик, который сразу уперся ему в пузо, достал лупу в черной оправе. Уставился на ожерелье сквозь нее. Долго разглядывал что-то на застежке. Наконец поднял глаза на Димку.

– Где взял?

– Не важно. Я только хотел спросить – насколько оно старое?

– Что еще у тебя есть? – Ионидис смотрел вроде бы по-прежнему рассеянно, но жилка у его виска забилась так, будто хотела уползти за ухо.

– Ничего. Пока.

– Ты достал это с затонувшего судна? Где? – Ионидис вдруг привстал из-за стола, опираясь руками на его край.

Димка сначала струхнул, сделал шаг назад. Потом опомнился:

– Какая вам разница? Не можете вещь оценить – пойду в другую лавку.

Ионидис обрушился обратно в кресло:

– Я не сказал, что не могу оценить. Вещь старинная. Не знаю пока, насколько ценная.

Но интересная. Хочешь продать?

– Нет, я же сказал.

– Хорошо. Оставь ее у меня на один день. Поизучаю. Завтра приходи – все скажу.

Он смахнул ожерелье в упершийся в его пузо ящик и мгновенно захлопнул.

– Нет, так не пойдет! – Димитрос шагнул к столу. – Отдайте!

– Ты мне не доверяешь? – Кустистые брови Ионидиса поднялись вверх. – Я на этом месте сижу сорок лет. Думаешь, сбегу с твоей цацкой?

Он даже усмехнулся такой глупости.

– Я вас знаю и уважаю. Но оставлять ожерелье не буду. Это мое право.

Казалось, несколько секунд грек размышлял. Наконец все же потянул ящик за ручку:

– Как хочешь.

Достал золотых пчел с деланным равнодушием. Но в последний момент не выдержал:

– Сфотографировать их я, по крайней мере, могу? Покажу кое-кому.

И, не дожидаясь ответа, взял со стола телефон, защелкал камерой.

– Конечно, конечно! – Димитрос заулыбался. – А когда можно зайти? Чтобы узнать?

Грек прикрыл глаза тяжелыми портьерами век.

– Завтра в это же время. Ожерелье принеси с собой.

– Ну а так. На первый взгляд... Что думаете? – не выдержал Димка.

– Завтра. В это же время, – повторил Ионидис, и его глаза снова закрылись. Разговор был окончен.

* * *

Как только за Димкой хлопнула дверь, толстый грек неожиданно проворно схватил телефон, отправил кому-то СМС и набрал номер.

– Я послал тебе фото. Узнай все про этого мальчишку. Кто такой, где живет, местный или... Короче, все. Что значит, когда надо? Сейчас, идиот!

Ионидис снова растекся на кресле лужей и замер. Через несколько минут телефон на столике звякнул.

– Вот как! – сам себе сказал Ионидис и даже присвистнул.

Глаза его засветились в полумраке тяжелым желтым светом, как у кота, поджидающего мышь.

Короткие разговоры

После мрака антикварной лавки солнце на улице казалось особенно ярким.

Димитрос вскочил на свой старенький мопед и с громким треском помчался вдоль моря – туда, к Агиос Николаосу, где на окраине в крошечной бухточке у самого берега стоял их дом. Теперь он жил там один. И это гасило ликующую радость от находки.

Несколько месяцев назад отец вдруг засобирался в Афины – была у них там квартирка. На все вопросы отвечал только: ко мне прилетит русская подруга.

Но в том, что подруга интересуется отцом бескорыстно, Димка очень сомневался.

Отец работал в порту механиком, а подрабатывал черным дайвингом. Доставал со дна всякие древности: обломки кувшинов и ваз, разбитые античные амфоры, статуэтки, турецкое оружие. За тысячи лет в местных морях много чего утонуло.

Но, как и все черные дайверы, мечтал о серьезной находке. Пусть дед врал про свой корабль, но кто-то реально находил на дне настоящие сокровища. Отца бесило, что эти счастливицы часто оказывались случайными людьми.

– Нет, ну вот как так, а? Тут годами ныряешь, жизнью рискуешь, – негодовал он. – А какие-то пограничники-макаронники узнали, что наркоторговцы прячут товар в контейнере под водой рядом с островом Сан-Стефано. Нырнули. И вместо контейнера, мать вашу, наткнулись на затонувшее две тысячи лет назад римское судно. А в нем полно античных сокровищ. Вазы, всякая хрень из слоновой кости, золото. Господи, ну почему?! И теперь газеты делают из них героев. А ведь наркотики они так и не нашли!

Димка только смеялся.

И когда отец предложил ему войти в дело – с его-то талантом ныряльщика! – твердо отказался. Нравы в бизнесе черного дайвинга крутые. Один раз с ними связался – не вырвешься. Да и стоящие находки не часто попадают.

Отец вот попытался. Новая русская подруга – откуда только взялась! – убедила его, что с ней работать гораздо выгоднее. Он будет доставать всякое-разное со дна, она – отвозить и продавать в России.

– Говорит – даст выгодную цену. Присоединяйся! – еще раз попробовал уговорить его отец. – Мы такой бизнес замутим!

– Не хочу и тебе не советую! – отмахнулся тогда Димка. – Подозрительная какая-то у тебя подруга. Это опасно!

И сам не ожидал, насколько окажется прав. Сначала вроде бы дела пошли хорошо, у отца появились деньги. А потом он ему позвонил:

– Слава богу, сынок, что ты в это дело не вляпался. Там все совсем не так.

Но что не так, по телефону говорить отказался. Пообещал: приеду, все расскажу. А через день погиб в автомобильной аварии – не вписался в крутой поворот.

Русская подруга накануне улетела в Москву.

– Это был несчастный случай! – отмахнулся от Димитроса следователь в отделении полиции Афин.

– Но отец не пил! Отлично водил! Как он мог упасть...

– Думаете, ваш отец был замешан в темных делишках? Может, и вы тоже? – нехорошо ухмыльнулся следователь.

И Димитрос отступил.

...Как ему хотелось сейчас показать отцу тяжелое зеленоватое ожерелье! Сколько всего еще он сможет достать с прадедова судна, в которое никто не верил! Полюбоваться находкой и передать в музей. Пусть там будет их фамилия, как мечтал прадед.

Димитрос зашел в пустой дом. Сел на веранде перед оливковым садом. Достал телефон, набрал номер квартиры в Афинах. Русская подруга отца позвонила ему вчера. Они никогда не виделись, но даже заочно друг друга не выносили.

– Я прилетела в Афины. Хочу забрать из квартиры свои вещи. Ты приедешь? Проконтролируешь? Вдруг возьму что-то лишнее...

– Бери что хочешь, – равнодушно сказал тогда Димка.

А вот сейчас передумал.

– Посмотри, там акваланг и гидрокостюм в темной комнате лежат? – спросил он у Тюхе – так в шутку звал ее отец. В древнегреческих мифах Тюхе была богиней удачи, матерью бога богатства. Это потом уже римляне переименовали ее в Фортуну. Но Димка, который, как и отец, хорошо говорил по-русски (мама его была родом из Подмосковья, и на канукулы мальчишку часто отправляли в деревню к русской бабушке), звал ее просто Тюхой.

– Да, лежат.

– Приеду, заберу. Оставь ключ у консьержки.

– Ты что-то нашел?

– Какое твое дело? Просто хочу забрать акваланг.

– Понятно. Учти, я могу помочь продать, если у тебя что-то есть. У тебя ведь что-то есть? У Тюхи было удивительное чутье на все, что пахло деньгами.

– Спасибо, не надо. Отцу ты уже помогла.

Димка нажал отбой, не дослушав.

Он решил ни о чем не думать, пока не получит ответа от Ионидиса. Надо только дотерпеть до завтра.

* * *

Антиквар Ионидис и маленький, похожий на засушенного кузнечика грек сидели за столиком кафе в узкой улочке – проезжающие машины чудом не задевали их по ногам – и пили горький густой кофе.

– Это то, что я думаю? – спросил Ионидис, пока человек-кузнечик изучал фотографию на его телефоне.

– Да. Крито-минойская культура. Где-то 1600–1500 год до нашей эры. Очень тонкая работа.

– Может, поздняя подделка?

Человек-кузнечик достал из барсетки лупу. Вгляделся в экран.

– Надо смотреть живьем. На первый взгляд выглядит аутентично. Сколько он за него хочет?

– Пока нисколько. Говорит, не продает. Ты что скажешь?

– Скажу, пусть принесет остальное.

– Думаешь, он нашел больше? – жадно спросил Ионидис.

– Ожерелье долго лежало под водой. Вряд ли он бы его разглядел, если бы рядом не валялось что-то покрупнее. Кто он такой?

– Профессиональный ныряльщик. Может быть, лучший на острове. Хотя нигде не засветился. Отец его кое-что для продажи иногда доставал. Потом у него в Афинах были проблемы. Не важно. Папаша погиб.

– Утонул?

– Разбился на дороге. Там другое интересно. Говорят, в их семье уже много лет ищут какой-то подводный клад.

– Значит, нашли. Если это и правда минойцы, там могут быть большие деньги. Кусок не по тебе.

– А по тебе? – Ионидис уставился на собеседника немигающими желтыми глазами.

– Посмотрим. Рано говорить. Завтра я сам потрясу мальчишку.

– Почему ты? Он пришел ко мне.

– Потому что все твои серьезные продажи идут через меня. Это будет очень серьезная продажа. Не бойся, не обижу. Мы же партнеры.

Человек-кузнечик повертел в руках чашку, разглядывая дно. Поднялся из-за стола. И, бросив монеты на стол, кивнул Ионидису:

– Сбрось мне его данные.

Ионидис проводил уходящего тяжелым взглядом. Посидел немного в раздумьях. И решительно поднялся. Его новый бизнес был подходнее антикварного. Но сейчас их можно объединить. Кажется, пришло время работать без партнера.

Встреча в «Посейдоне»

Телефон у Димки зазвонил, когда он еще спал. Посмотрел: семь утра. Номер был незнакомый.

– Димитрос? – спросил его по-гречески глухой мужской голос. – Нам необходимо встретиться.

– Кто это?

– Я по поводу ожерелья. От Ионидиса. Он попросил меня с вами поговорить. В десять в яхт-клубе Агиос Николаоса, в баре «Посейдон». Столик у окна.

Димка еще только открыл рот, но телефон уже отключился.

Такое начало дня Димке не понравилось. Может, и зря он поперся к тому антиквару. Надо было поехать в Афины. Но только там он вообще никого не знает. Идти? Не идти? И куда спрятать ожерелье?

...Столик у окна в баре «Посейдон» был пуст, как и все другие. В эту пору туристы завтракают в отелях. Завсегдатаи-старички, часами потягивающие здесь узо, еще не подошли. Только один подросток в кепке, отвернувшись спиной, прихлебывал у барной стойки кофе, да за открытыми окнами орали чайки: к причалу подошла рыбацкая лодка, и в ведре плескался серебристый улов.

Димка сел за столик. Человек с кофе обернулся – это оказался не подросток, а худенький старичок со сморщенным личиком. Он взял свою чашку, слез с барной скамеечки и, не спрашивая, подсел к Димке:

– Привет. Меня зовут Кефалос.

Димка вздрогнул. Да, как он сразу не узнал! Кефалос был одним из самых авторитетных людей острова. Его люди контролировали все порты, строительные фирмы. А сам хозяин, как говорили, отошел от дел, собирал антиквариат, и его коллекции завидовали даже музеи. Вот только сейчас беседовать с ним Димитрос совсем не хотел.

– Я... – начал он.

– Я знаю, кто ты. И что у тебя есть. Мое время дорого. Не будем тратить его зря. Что еще ты нашел?

– Ничего. Только ожерелье.

– Я сказал: время дорого. Ты достал остальное?

Димка рассердился. В конце концов, он ничего этому Кефалосу не должен. Еще и тыкает, будто перед ним мальчишка! Поэтому ответил грубовато:

– Какое вам дело до того, что я нашел?

– Такое, что мы можем быть друг другу полезны. Я дам тебе хорошую цену. Честную. Хотя мог бы сказать, что твое ожерелье ничего не стоит. Кстати, это не исключено. Я не видел его живьем. Оно у тебя с собой?

Глаза старичка стали в этот момент как два сверлящих лазера.

– Нет.

– Плохо. Тогда ты должен за ним съездить. Если это то, что я думаю, оно будет стоить дорого. Но продать его ты не сможешь. Музейная редкость. Связи среди антикваров у тебя нет. Так что, дружок, тебя или надуют, или сдадут полиции.

– Почему я должен верить вам?

– Потому что я хочу получить не только ожерелье. Все. Слышишь?

Человек-кузнечик придвинул сухонькое лицо к Димке, так что он даже почувствовал его кислотоватое дыхание.

– Все! И ты мне это достанешь.

Димка невольно отпрянул. Старичок усмехнулся:

– Не бойся. Привези мне ожерелье. Я подожду здесь. Ты же не думаешь, что я наброшусь на тебя и ограблю? Я коллекционер. Минойцы – моя, скажем так, страсть. Если будешь вести себя хорошо, я тебе потом про них расскажу.

– Да я знаю, – нахмурился Димка. – Самая древняя цивилизация в Европе. Кносский дворец, фестский диск, вот это все... Я же здесь родился.

– Знаешь, да не знаешь. – Старичок засмеялся, как будто зашелестела сухонькая трава. – Но для начала я должен убедиться, что это минойцы. Принеси ожерелье. Я просто на него посмотрю.

Димка секунду помедлил. В конце концов, чем он рискует? Поднялся:

– Хорошо. Я вам его покажу. Больше ничего не обещаю.

Он сурово выдвинул вперед челюсть, как делают герои боевиков.

Но старичок уже на него не смотрел. Он разглядывал рисунок из кофейной гущи на дне чашки. Рисунок напоминал огромного злого паука.

Незванные гости

Неладное Димка почувствовал еще у калитки. Она была приоткрыта, хотя он точно помнил, что, уходя, щеколду задвинул. Он подбежал к дому, с замершим сердцем зашел в распахнутую дверь. И застыл на пороге.

Внутри царил разгром. Ящики старого, еще прапрабабкиного комода были выдвинуты, и вся эта женская требуха, выбросить которую не доходили руки уже у третьего поколения: салфеточки, ленты, куски кружев, пуговицы, – валялась на полу вместе с разбитой посудой. Две картины были сорваны со стен. Наверное, грабители искали за ними сейф. Из камина вывалили пепел – проверяли дымоход. Вазы, причудливые раковины, фотографии в резных рамках – все это живое тепло старого дома было сметено и разрушено.

Димка, задрожав от ярости, вытащил из кармана телефон. Набрал номер, с которого ему звонили утром. И, как только услышал «Да?» Кефалоса, заорал:

– Вы! Вы нарочно вызвали меня в бар! Чтобы ваши люди меня обокрали!

– Тебя обокрали? – В голосе старика послышалось беспокойство.

– Как будто вы этого не знаете!

– Я-об-этом-ничего-не-знаю. – Кефалос чеканил слова, как гипнотизер на сеансе. – Я уже сказал. Мне не нужно одно ожерелье, мне нужно все.

– Я вызову полицию!

– Полицию ты не вызовешь. Его нашли?

– Что?

– Ты тупой? Ожерелье нашли?!

– Спросите у своих! – рявкнул Димка и нажал отбой.

Почти сразу телефон зазвонил снова.

– Не звоните сюда! Вы вор! – рявкнул Димка. И услышал воркующий голос Тюхе:

– У тебя что-то украли, дорогой?

– Нет. Не твое дело, – буркнул.

– Вот как? А ко мне ты приедешь? – капризно спросила Тюхе. – За аквалангом?

– Не сейчас.

– Твой отец говорил, ты ищешь старинное судно. Для этого тебе нужен акваланг? Да?

– Ничего я не ищу! Моя жизнь тебя не касается!

– Зря так думаешь. У нас с твоим отцом осталось незаконченное дельце. Надо встретиться.

– Считаю, оно закончено.

– Увы, дорогой. За папой твоим остался должок. Так что, зайчик, встретиться придется. Я еще позвоню.

Димка хотел ответить ей на «зайчика», но Тюхе уже отключилась.

Он вышел на террасу. Солнце начинало припекать, но густой, настоящий на травах и смолистой хвое воздух еще был свеж.

Димка смотрел на оливы. Отец говорил, им четыреста лет. В детстве Димка любил играть в их тени, разглядывать морщинистые стволы, похожие то на голову оленя, то на бутылку для вина, то на голову горгоны Медузы. В этой самой голове с дыркой-ртом они с друзьями прятали свои секретики: сначала конфеты, потом сигареты.

Димка оглянулся, подошел к дереву, засунул в дупло руку. И вытащил зеленоватое ожерелье, блеснувшее искрой на солнце.

Сколько же лет этим пчелам, если старик говорил про минойцев? Три тысячи? Три с половиной?

А беспокойства принесли, как живой потревоженный улей.

Димка провел по ожерелью пальцем. И положил обратно. Дупло для пчел – самое надежное место.

* * *

...Он еще раз убедился в этом ровно через десять минут, когда несся на мопеде в город. На одном из поворотов два мотоциклиста подрезали его, прижали к скале, заставили остановиться. Один, в надвинутом шлеме, подошел к Димке вплотную. И только тот раскрыл рот, чтобы возмутиться, врезал ему сначала по почкам, а потом чем-то тяжелым по голове.

Сквозь пелену Димка почувствовал, как его обыскивают.

– Ничего нет! – сказал один другому. – Может, прижать его?

– Такого указания не было, – ответил второй.

Тарахтение их мотоциклов еще стелилось по дороге, а Димка уже твердо решил: с острова надо сваливать. Вместе с пчелами. И делать это не на рейсовом катере. Лучше всего – на яхте. В разгар сезона их у берегов шныряет столько, что его никто не найдет.

Через час он вошел к Лукасу.

Новая авантюра Три недели назад. Москва

– Помнишь, ты говорила: вот бы какой-нибудь миллионер пригласил на яхте покататься? – Подруга Машка позвонила ровно в тот момент, когда медсестра выкликнула ко мне следующего пациента.

– Про миллионера ты говорила. Я только про покататься. А что, нарисовался миллионер?

– Нет, пока только яхта. Платить придется самим. – Машка тяжело вздохнула.

Ей, как прирожденной пиарщице, сама мысль об отдыхе за свои кровные была омерзительна. Но времена пошли тяжелые, пиар-поездки даже в их газете схлопывались. Ну а мне, рядовому врачу-аллергологу элитной поликлиники Москвы, халявные путешествия и прежде не светили. Между тем отпуск надвигался на двух симпатичных незамужних дам с неотвратимостью цунами. И надо было провести его так, чтобы весь оставшийся год не было мучительно больно за бесцельно прожитые деньги.

– Не бойся, это недорого, – продолжила Машка.

– Недорого? Яхта что, плавает по Москве-реке?

– Плавает дерьмо! На судах ходят! – Когда-то в юности Машка встречалась с боцманом и с тех пор считает себя морским волком. – И мы не настолько богаты, чтобы отдыхать на родине. Все скромнее. Остров Крит.

– Ко мне сейчас пациент зайдет. Говори быстро: в чем дело?

– Зашла я вчера на женский форум...

– Ты ходишь на женские форумы?!

– Дурочка, по работе. Биодобавки через них продвигаем. Короче, там висит объявление: набираем желающих арендовать вместе яхту на Крите. Круиз на две недели. Стоимость яхты – 4800 евро. И это вместе с капитаном!

– Капитан хоть симпатичный?

– Даже не думай! Капитана я уже зарезервировала. Не перебивай! Всего нужно восемь человек. Пять есть. Прикинь: получается всего по 600 евро с носа. За такие деньги ни в каком отеле на море не отдохнешь!

– Мне куда садиться? – сухо спросила интеллигентная старушка, которая вошла в кабинет и с неудовольствием уставилась на телефон у моего уха.

– Все, разговаривать больше не могу! – прошептала я.

– Тогда бронирую! – выпалила Машка и сразу отключилась, чтобы я не успела возразить.

Впрочем, возражать в любом случае было бессмысленно. Если Машка чего-то захотела, никакие глупости в виде чужих желаний ее не остановят. К цели она идет с энергией торнадо. И с тех самых пор, как тридцать лет назад... ой, неужели уже тридцать? – словом, с самых наших четырех лет, когда судьба сделала нас соседками по лестничной площадке, я послушно даю этому вихрю закрутить меня в своем бешеном водовороте.

Много чего мы с ней за эти годы пережили. Но именно сейчас в моей скучноватой жизни врача с регулярным маршрутом «работа – дом» явно не хватало безбашенного драйва. А проблем – хватало.

Так что вечером мы уже сидели у Машки дома и рылись в интернете.

Сначала нашли все про яхту и поездку. Звучало как песня.

– Вы побываете на красивейших пляжах острова Крит. Насладитесь морскими купаньями, местным виноградным вином и свежими морепродуктами в прибрежных тавернах, – читала, сглатывая слюну, Машка.

Я смотрела на фотки живописных бухточек с дремлющими в лазоревой воде парусниками. И сама себе не верила.

Сколько лет, прогуливаясь вдоль моря по набережной, я с завистью смотрела на яхты у причала: их обитатели казались мне небожителями. Немного сбивал с толку вид женщин с невымытыми волосами, уныло помешивающих что-то в кастрюльках или ожесточенно драящих палубу веревочной шваброй. Но я относилась это к причудам уставших от роскоши богачей.

И вот мы можем оказаться среди них.

– Ты меня не слушаешь! – прервала мои мечтания Машка. – «Яхта длиной 9,45 метра оснащена четырьмя каютами. В ней есть холодильник, плита, два туалета...»

– Погоди ты с туалетами! Кто с нами едет?

Машка опустила глаза:

– Точно не знаю. Можем попытаться пробить по соцсетям.

...Картина получилась невеселая. Не команда – обломки любовных кораблекрушений. Замужней ни одной. Возраст не указывают. Но, судя по фоткам, нас ждала встреча с Раисой, энтузиасткой здорового образа жизни с лошадиным лицом – это она организовала круиз. Валерией – энергичной дамой за сорок с телевидения Ярославля, пшенично-пышнотелой Оксаной из Мытищ – профессию она не указала, и печальной гламурной феей Татьяной, которую Машка прозвала царевной Несмеяной. Судя по тоске в глазах, ее только что изгнали из царства богатых.

Две пассажирки фоток не выставили, о себе ничего не написали. Так что там были возможны сюрпризы.

Главную засаду Машка скрывала от меня до последнего.

– Тут такое дело, Лена, – замялась она, когда я начала прикидывать стоимость продуктов на две недели. – Короче, это рейс вегетарианско-похудательный.

– Что?!

– Тетка-организаторша – фанатка ЗОЖ. И поставила такое условие. Без мяса и сладкого. Будем оздоравливаться и худеть.

Я уставилась на подругу в остолбенении.

Чтобы вы понимали размах беды – Машка ест мясное и сладкое как не в себя. Никогда не видела, чтобы в одного человека вмещалось сразу столько вредной еды. И при этом она ни фига не толстеет! Тут лишний кусочек на ночь съешь... Короче, в Средневековье тетки сожгли бы Машку на костре как ведьму.

– Ты в своем уме? – наконец возопила я, вспомнив, как страшен вид голодной Машки. – Ты же там всех живьем сожрешь!

– Знаю, знаю. Но предложение уж очень хорошее. Я все придумала. Тетке написала, что мы убежденные веганки-диетчицы. А сами будем выходить на берег и заказывать что захотим. Ты же видела картинки с ресторанчиками!

* * *

– А что там с достопримечательностями? – наконец сдалась я.

В поездках мы с Машкой практикуем разделение отдыхательного труда: я бегаю по музеям, она валяется на пляже. История не ее конек, хотя она и утверждает, что в прошлой жизни была античной богиней. Но тут подруга вдруг вскинулась:

– Вот! Ты же любишь древних греков?

– Да!

– Забудь о них. Ничего они не колыбель человечества. Колыбелью человечества были минойцы. Они еще за тысячу лет до греков на этом Крите все изобрели и открыли. А те у них потом тупо сперли.

– То есть?

– Я вчера, пока в метро ехала, все прочитала. Отрыв башки! Был в начале прошлого века такой археолог Эванс, который у себя в Англии стал собирать коллекцию никому не известных маленьких древних печатей. Оказалось, их находили на Крите. Поехал он на Крит. Рыл-рыл. И вырыл целую древнюю цивилизацию. С дворцами, великолепными фресками, бассейнами, фонтанами, всякими чудесными вазами и украшениями. А главное – совершенно другого типа правления. Никаких воинов. Никаких злобных богов. Даже изображений царей нет. Полная демократия. У женщин такие же права, как и у мужчин. Вместо рабов – фермеры. Еще обезьяны у них на плантациях трудились. Они там как-то с животными разговаривали. Культ не войны, а радости, красоты, любви, искусств. На фресках никто не сражается, все пьют вино, гуляют среди цветочков, играют на флейтах.

– Как же их никто не завоевал?

– Они были умные и продвинутые. Построили самый мощный в мире флот. Придумали офигенные технологии обработки металлов и камня. И еще были хорошими дипломатами. Со всеми торговали и договаривались. Ты вот знала, что знаменитая Атлантида – это как раз и есть минойское царство?

– Насколько помню, ученые к единому мнению по этому поводу не пришли.

– Чего там приходиться? Если на Крите еще три с половиной тысячи лет назад уже были канализация и водопровод. В туалетах воду смывали! А в Европе еще в восемнадцатом веке ночные горшки выливали на улицы проходим на головы.

– Ты все о своем. Туалет – главное достижение?

– Ле-на! Запомни. Чем выше уровень развития, тем удобнее сортиры. А главное знаешь что? Там тетки правили. Верховные жрицы. Может, потому они и процветали? Посмотри, какие красотки! – Машка потыкала в свой айпад и показала мне фрески Кносского дворца с изящными черноволосыми смуглянками.

– Они там, между прочим, ходили по пояс голые!

И она победно встряхнула предметом своей гордости – упругими грудями-боеголовками, всегда нацеленными на поражение мужских сердец.

Впрочем, потом милосердно добавила:

– Но если ты предпочитаешь древних греков, то, по их версии, на Крите родился и похоронен бог Зевс, а также находится знаменитый лабиринт Минотавра. Заметь – в виде любимых тобой развалин. Едем?

Возразить было нечего. Покататься на яхте. Похудеть – лично мне не помешало бы сбросить килограмма три. Ну ладно, пять, но мы же ставим реальные планы? Посмотреть, как жили минойцы. И главное – расслабиться. Морская прогулка – что может быть лучше, если хочешь отключиться от проблем?

...Вдруг за окном сильно гроыхнуло. Я выглянула: неужели гроза? Но небо было чистым. Очевидно, какой-то древний бог подавился насмешливым хохотом.

Жрица нервничает Крит. 1628 год до нашей эры

Климена сидела за туалетным столиком и только макнула палец в коробочку с румянами, как услышала грохот. Привстала, выглянула в окно: а, это рабочие уронили массивную деревянную скамью.

Центральную площадь уже начали превращать в арену: сбоку строили загон для Священного быка, девчонки, похожие на веселых птичек, терли плитки розового пола, художник в заляпанной белой тоге орал на подмастерье, расплескавшего краску. До Игр оставался месяц, но к самому главному празднику критяне готовились заранее.

Климена посмотрелась в бронзовое зеркало. Ей тоже нужно подготовиться.

Еще недавно она отлично обходилась без румян. Мужчины, только глянув в ее черные мерцающие глаза, застывали, проваливались в эту сказочную черноту, а когда ошалело выныривали, становились ее вечными пленниками. Тончайшая талия, идеальная грудь, полное лукавой страсти лицо.

Вот уже пятнадцать лет она считается на Крите первой красавицей. Но время не останавливать. Даже Верховной жрице. Вечная молодость, увы, к власти не прилагается. Вот откуда взялась эта морщинка в углу рта?

Климена бросила взгляд на противоположную анфиладу дворца. И вздрогнула.

Там, за алой колонной, мелькнуло ненавистное лицо.

Он тоже следит за приготовлениями к Играм. Или за ней?

– К тебе можно? – услышала она за спиной знакомый голос.

– Ты ведь уже вошел! – Климена с улыбкой обернулась.

Галий, первый музыкант царства, был высок даже для жителя Крита и потому невольно согнул плечи в ее небольшой комнатке. Худой, плавно изящный, с сияющими глазами на чуть морщинистом лице, он до сих пор сохранил вдохновенную притягательность. Ох уж эти любимчики богов! На их яркий свет люди летят, как мотыльки.

– У тебя репетиция? Собираешь перед Играм свой оркестр? – спросила Климена.

– Это не оркестр – слезы! Представь, лучшего тенора забрали в Тиру! Им там понадобилось спеть на спуске нового корабля. Кому? Матросам-гребцам? А Наина? Ты помнишь Наину?

– Я отлично помню Наину, – усмехнулась Климена.

– Ну... да... Так эта дурочка две недели назад выскочила замуж и уехала с мужем в Фест! Мне что теперь, каждый раз перед репетицией посылать к ней гонца?

– Видишь ли, дорогой... Боюсь, у нее не было выхода.

Климена подняла на Галия лукавые глаза.

Тот потупился:

– Ладно, ладно. Я не за этим к тебе пришел. Я беспокоюсь.

– О чем?

– О тебе! Ты знаешь, что ходят разговоры об избрании новой жрицы?

Галий тревожно заглянул ей в лицо.

– Садись, – кивнула ему Климена на кресло. Плеснула в чаши красного вина из амфоры.

Нежно проворковала: – Конечно, знаю. Кого тебе называют?

– Разных...

– Перестань!

– Хорошо. Арию.

– Потому что дочь Миноса Третьего?

– Потому что сестра Сатура. Ты же знаешь, как сынок царя вошел в силу. Говорят, он теперь от папаши-Миноса не выходит.

– Еще кого-то? Мину? – Климена отхлебнула из чаши вина.

– Мина слишком юна. Ей надо подрасти. И потом – в ней нет крови Миносов. А у Арьи есть. Ты должна удержать трон, солнцеликая. Говорят, Минос совсем плох. Советник Зеро спит и видит, как бы сделать дурачка Сатура царем, его сестру – Верховной жрицей, а нас всех... Только представь, если эта семейка придет к власти!

– Я думаю над этим.

– И что придумала? – Галий жадно заглянул ей в глаза.

– Я же не спрашиваю тебя, что ты придумал для гимна Игр.

– Кстати, о гимне. Ты обещала...

Галий скосил глаза на керамическую бутылочку на туалетном столике. Там зеленела особая шафрановая настойка.

Климена проследила за его взглядом и покачала головой:

– Даже не мечтай! Я сказала тогда – в последний раз!

– О медоносная! Ты же знаешь – мне это нужно для вдохновения!

– Поищи вдохновение не в моей склянке. Это для разговора с богиней.

– Но я тоже говорю с богами!

– И они отлично слышат твои песни без настоя. Больше я тебе не уступлю.

Галий вздохнул:

– Тогда хотя бы покажи свое платье для открытия Игр. А то будет, как в прошлый раз.

В прошлый раз декоратор украсил ее ложу золотой тканью с пчелами – символом богини. А Климена сама пришла на церемонию в золотом платье и слилась с ложей до полного исчезновения.

– На этот раз лиловое.

Климена зашла в гардеробную. И через несколько минут вынесла длинное, расшитое жемчугом платье. Приложила к себе.

– Надень! – попросил Галий.

– Обойдешься. Любуйся так! – засмеялась Климена.

Галий закатил глаза:

– Ты всегда выбираешь лучшее! И для себя, и для царства. Вот скажи, почему так: чем богаче живет дворец, тем больше в нем интриг? Кладовые ломятся. Флот растет. Народ процветает. Живи и радуйся. Нет, им надо все поменять!

– Богатое менять приятнее. Есть что делить.

Климена стала вдевать в уши серьги с пчелами – свои любимые.

Галий понял, что пора уходить. Глянул на заветный флакон, вздохнул, встал. Уже у двери обернулся:

– Знай, я всегда на твоей стороне!

Климена помахала ему рукой. А когда дверь захлопнулась, плеснула себе еще вина.

Да, он к ней привязан. Но если придет новая жрица, Галий тут же сочинит гимн в ее честь. Артисты служат только одной богине – своей музе.

* * *

Внизу кипела работа, и Климена решила идти не через центральную площадь, а в обход. Усмехнулась, вспомнив, как вчера отсюда вывели еле живого шпиона-ахейца: он решил зарисовать план дворца, заблудился и проплутал два дня.

Еще бы: даже те, кто здесь вырос, уже не всегда могут быстро найти выход.

Пять огромных этажей с хаотичным переплетением улочек превратились в настоящий лабиринт. Дворец стал похож на большой муравейник, где живут все: правители, слуги, художники, рабочие, лекари, пекари. И каждый царь еще достраивает что-то свое.

А уж если чужак попадал в подземные хозяйственные этажи, где хранились запасы, все, считай погиб. Микенцы даже слух пустили: забредших в Кносский дворец иноземцев сжирает страшный человеко-бык.

Всегда приятно оправдать свою глупость кознями противников.

...Климена скользнула в совсем уж узкую улочку, свернула за мясной лавкой под арку, еще раз повернула.

Она хорошо знала правило: хочешь поговорить без лишних ушей, ищи место подальше от царских покоев. Информаторы для жрицы – необходимое добавление к голосу богини.

...На пустынной улочке четверо подростков, склонившись над расчерченной углем мостовой, играли в камешки. Климена вошла в грязноватую таверну. Ее хозяин, добродушный толстяк Линос, сидел за длинным столом и ел похлебку. При виде Климены он поднялся, но она махнула рукой:

– Сиди! Меня ждут?

– Думаю, да, медоносная! Я слышал, кто-то ходит в твоей комнате. Но сам не заглядывал.

Климена кивнула. Она выбрала таверну именно из-за этого – преданности Линоса, когда-то бывшего поваром у ее отца. И крохотной комнатухи, имевшей два выхода. Никто не должен знать, с кем она встречается. Особенно теперь.

Непонятные дела стали твориться на соседнем острове Тира, где стоит весь их флот. Моряки рассказывают странное. То рыба в море всплывает кверху брюхом, то деревья на горе вспыхивают сами собой, то мертвые птицы падают с неба, а воздух воняет. Пошли разговоры, все это из-за того, что в городе флотоводцев молятся Богине-матери, а не богу моря Посейдону.

Кто-то на Тире мутит народ. И сейчас она узнает кто.

Климена прошла мимо сладостно обгладывающего кость Линоса в коридорчик, толкнула в самом его конце дверь. Капитан одного из судов с Тиры, пылкий ее поклонник и давний информатор, всегда приходил заранее.

Климена шагнула внутрь.

Он действительно был уже здесь. Молодой буйнокудрый красавец из Тиры сидел в центре комнатки за круглым столом. И из его перерезанного горла все еще текла кровь, собираясь на полу в густую алую лужу.

Капитана убили несколько минут назад. Климена кинулась ко второй двери, выскочила: улица была пуста. Только мальчишки все так же кидали в квадраты камешки. Что-то царапнуло ее сознание, но вдумываться в мимолетное ощущение было некогда.

Бежать, искать убийцу? В здешних каморках-сотах его не найти. А может, это Линос?

Климена вспомнила его безмятежно жующее лицо. Нет, он отличный повар, но совсем не актер.

Климена вернулась в комнату, подошла к убитому, наклонилась к валявшемуся у стула кожаному, заляпанному кровью мешку. Кто-то вывернул его наружу, рассыпав по полу содержимое. Остались гребень, несколько монет... И что это? Климена с удивлением подняла с пола маленькое вареное яйцо какой-то птицы. Зачем оно капитану? В Кноссе достаточно свежей еды.

Климена, сама не зная зачем, зажала его в руке. Пора уходить. Нельзя, чтобы ее здесь видели. И, только подходя ко дворцу, она вспомнила, какую неточность картинки отметили ее глаза, когда она выглянула на улицу.

Играющих мальчишек было уже не четверо, а трое.

Ужин на причале

– Ты поняла? Какое это правильное решение! – говорила Машка с набитым ртом, макая зажаристую корочку хлеба в зеленое оливковое масло.

Мы с ней сидели на набережной Агиос Николаоса в таверне у самого причала с яхтами. Ждали свой заказ: жареных кальмаров и картошку фри. Правда, когда Машка заказывала картошку, официант уставился на нее с изумлением. И даже спросил:

– Может, это лишнее?

Машка аж взвилась:

– Вы что, мой диетолог? Несите что сказано!

– Хорошо, хорошо! – отступил официант. – Раз вы уверены...

Машка была уверена. Мы прилетели на Крит несколько часов назад, ровно за сутки до назначенной в яхт-клубе встречи. Целью раннего прибытия как раз было наесться до отвала перед бесчеловечной пыткой здоровым питанием.

– И осмотреться на предмет мужиков! – наставляла меня Машка.

Ее пугало путешествие с женским экипажем. Все-таки нельзя лишаться всего сразу – и мяса, и мужского внимания. А еще она хотела заранее проинспектировать нашу яхту – мы не дошли до нее совсем немного, пав жертвой вкусных запахов.

Вечернее солнце уже собралось укатываться в море, но задержалось на прощальных поклонах, как престарелая оперная звезда. Но оваций не было. Прогуливающиеся по набережной загорелые мужики, длинноногие девицы в почти невидимых миру шортах, толстые матроны, волокущие с пляжа упирающихся внуков, смотрели не на закат, а в меню ресторанчиков. На острове приближалось святое время ужина.

– Вам с-с-сумочка не нужна? – вдруг обратился к Машке мужик из-за соседнего столика.

Мы повернулись в его сторону. Спортивный загорелый брюнет лет сорока с небольшим, в дорогой красной футболке, с модной небритостью на мужественном лице и странного цвета вишневыми глазами вальяжно развалился на стуле. Я тихонько вздохнула. Это был он. Типичный Машкин контингент. Самоуверенный, ухоженный, умно-циничный хозяин жизни и любимец дам. От таких мужиков будто исходит какое-то особое сияние. Наверное, его излучают спрятанные в портмоне банковские карты.

Единственное, что уравнивало противную привлекательность незнакомца, – то, что он был в зюю пьян.

– Сумочку, говорю, не хотите взять? – с легкой издевкой повторил он, кивая на лиловый «Гермес», лежащий на соседнем стуле.

– Что, ваша дама сбежала, бросив имущество? – усмехнулась Машка.

– Ккакая дама? Нет у меня никакой ддамы. Я не по этой части! – заплетаясь языком о согласные, продолжал ерничать мужик, уставившись на нее своими нахальными глазами. – А знаете что? Вы просто ввозьмите эту сумочку себе!

Машка хмыкнула, а мужик не успокаивался:

– И даже заказ свой не ждите! Быстро берите и уходите! Вдруг там деньги!

– Или наркотики! – не выдержала я.

– Как вы можете! – укоризненно покачал головой незнакомец. – Так обо мне подумать! Да разве наркотики я бы отдал?

– В чем дело? – прозвучал над нами чей-то голос.

И к столику подошла молодая женщина, похожая на кнопку. В ней все было маленькое: рост, быстрые темные глаза, сомкнутый рот, аккуратный носик, тоненькие ручки, ножки. Но при этом энергия так и била из нее ключом.

По возрасту дама вполне годилась мужику в дочери, то есть была типичной второй женой состоятельного бизнесмена. Но обычно богачи выбирают совсем другой типаж. Что-то неправильное было в их паре.

– Во-от! – покачнулся на стуле навстречу женщине-кнопке мужик. – Наконец ты пришла! Они, – кивнул он мужественным подбородком в нашу сторону, – хотели забрать твою сумочку! Прямо вцепились в нее! Я бился как лев! Официант! Еще вина!

– Тебе уже хватит! – спокойно, будто не удивившись, сказала дама. Подняла на Машку непроницаемые карие глаза.

– Только вы отошли, он сразу объявил на вашу сумочку тендер! – пояснила мстительная Машка. – На вашем месте я бы ему не верила. Ни в чем!

И она с вызовом посмотрела на незнакомца, посмеявшегося посягнуть на ее привилегию: посмеиваться над людьми и выставлять их дураками.

– Уж поверьте, я знаю про него все! – усмехнулась молодая дама. И замахала порхающему парню в грязновато-белой форменной рубашке: – Эй, счет!

Когда дама полезла в сумочку и достала из нее мужское портмоне, чтобы расплатиться, мужик наклонился к Машке и, выдохнув по-драконьи горячую смесь, шепнул:

– Зря не взяли. Я же говорил, там деньги!

Я подумала, что у этой пары накопились такие проблемы, которые им ужасно тоскливо решать вдвоем.

В этот момент второй официант – совсем мальчик, похожий на школьника на каникулах, – принес наш заказ. Остальные официанты выстроились около двери на кухню и вытянули любопытные шеи. Даже посетители с соседних столиков обернулись.

На тяжеленном подносе стояло шесть огромных тарелок с едой. На первых двух – много мелких рыбок-сардинок с картошкой. Это мы брали на закуску. На следующих двух – золотистые россыпи жаренных в кляре колец кальмара с щедро наваленной картошкой фри. Это было горячее. И на последних двух тарелках – просто горы жареной картошки, каждая размером с Монблан.

– Уважаю! – подмигнул нам соседский мужик, и дама поволокла его к выходу.

– Откуда же я знала, что они кругом суют эту картошку! – попыталась оправдаться Машка. Она с печалью осознала, что даже ей все не съесть.

Через час, выпив бутылочку местной, пахнувшей хвоей рецины, мы уже прогуливались по марине – месту, где паркуются яхты. Здесь шла своя жизнь: за столиками на палубах мужчины разливали что-то по стаканам, женщины делали бутерброды, компании играли в карты...

– Смотри надписи на борту! – сказала Машка. – Наша яхта называется «Минос». Проверим, не подсунули ли нам какую-нибудь рухлядь!

Я вздохнула. Если Машка найдет хоть один изъян, завтра я в тысячный раз посмотрю шоу «Вызов местного директора».

– О! Едоки картофеля! – услышали мы знакомый голос с одной из яхт.

Наш нахальный сосед, явно знакомый с творчеством Ван Гога, сидел там на корме в одиночестве. Вернее, вдвоем с бутылкой вина. И пьяненько интересовался:

– Зачем вы пялитесь на чужие яхты?

– Нам нужен «Минос».

– Это я!

– Выглядите моложе. Трех с половиной тысяч лет вам не дашь! – хмыкнула Машка.

– А-а-а! Вам местного царька. Будете разочарованы. Он умер. Ну, светлая память!

Мужик сделал несколько глотков прямо из горлышка и, будто спохватившись, протянул нам с борта бутылку:

– Хотите?

Мы замотали головами.

– Правильно. Жуткое пойло.

Тут мужик скосил глаза на причал. Весело присвистнул:

– О! Она идет!

И снова протянул нам бутылку:

– У вас последний шанс! Там на дне еще что-то плещется!

– Это женские слезы! – Машка взяла меня за руку и потащила прочь с таким видом, будто именно я задержалась тут поболтать.

Но, сделав всего несколько шагов, вскрикнула:

– Смотри!

На борту соседней яхты – лодка мужика, кстати, называлась «Парис» – было выведено синей краской: Minos. Огоньки на ней не светились, людей не наблюдалось, пробоин и следов повреждений тоже.

– Пойдем в отель, поспим! – стала канючить я. – В такую рань сегодня вставали!

– Ладно. Завтра все рассмотрим! – неожиданно согласилась Машка.

Она все же доела свою картошку и теперь была не прочь вместе с ней полежать.

Мы повернули обратно. Навстречу нам энергично шагала дама-кнопка и что-то возбужденно тараторила в телефон. Когда она пронеслась мимо, до нас долетел обрывок фразы:

– Как я это сделаю, если он опять нажрался?!

– Интересненько! – заметила Машка. – Чего она не может с ним сделать. А смешной мужик, да?

– Даже не начинай! – завопила я. – Наглый, самовлюбленный павиан! Алкаш! Да еще с женой в виде бонуса!

– Может, она просто любовница? – парировала Машка. Но тут же сама себе ответила: – Нет, жена. Видела, как она из его кошелька по-хозяйски расплачивалась?

– Какое нам до этого дело? Мы приехали диетически кататься на яхте! Мало тебе твоего предыдущего красавца?

Полгода назад Машка брала интервью у главы крупной фармацевтической компании. И ему так понравилось отвечать на ее вопросы, что он предложил продолжить это увлекательное занятие в ресторане. Клятвенно пообещал не приставать. И, к Машкиному изумлению, сдержал слово. Он шутил, очень мило ухаживал. Следил, чтобы ей было удобно сидеть, весело пить и вкусно закусывать. После чего честно довез ее до подъезда и уехал ни с чем.

Еще раз пять этот обаятельный, остроумный мужчина мечты водил ее в разные шикарные заведения ужинать. Отвозил домой. Нежно целовал ручку. И отбывал.

– Может, у него какие-то проблемы? – советовалась со мной подруга как с врачом. – Это же ненормально, что в отношениях с женщиной мужик получает полное удовлетворение от совместной еды?

– Потенциально возможны проблемы с потенцией, – поставила я диагноз. – Плохая экология, стрессы на работе, слишком калорийное питание...

– Да, где только эти «митушницы» находят столько сексуальных маньяков! – вздохнула Машка.

Оказалось, переживала зря. На шестой встрече фармацевт решил: снял номер в отеле. Был очень даже хорош. Они встретились еще, потом еще...

И тут Машка заметила, что мужик превращается в кого-то другого. То есть в койке все хорошо. А в докроватной и послекроватной жизни вместо милого заботливого влюбленного вдруг прорезался капризный, самоуверенный хам.

– Как ты держишь вилку? – говорил он ей брезгливо в ресторане. – Как крестьянка.

– Что у тебя за вульгарная манера одеваться? Выставляешь сиськи наружу, чтобы мужики глазели?

Или просто надувался, замолкал и шелкал клавишами телефона. Будто рядом никого нет. Машка поняла, что фармацевт прописывал дамам свое драгоценное обаяние строго дозированно, в начальный и острый период. А потом резко отменял, чтобы не возникло привыкания.

Подруга немножко потерпела. Потом поставила ультиматум: либо он из наглого козленочка превращается обратно в доброго Иванушку (его как раз Иваном звали). Либо они расстаются.

Боссу фармацевтики до Машки никто ультиматумов не ставил.

– Ты что, дура? – искренне удивился. – Я же тебе могу квартиру купить. Ну, или там машину. Если будешь примерной девочкой.

На что Машка в присущей ей интеллигентной манере ответила, в какое конкретно место он – с помощью лекарственных свечей – может засунуть себе квартиру и по какому короткому адресу отъехать на авто.

Фармацевт обиженно засопел. А на следующий день позвонил в Машкину редакцию и сообщил начальнице пиар-отдела, что его компания не хочет больше работать с таким грубым и некомпетентным сотрудником, как Мария Смирнова. Ее следует уволить, а писать рекламные тексты поручить кому-нибудь другому.

– Нет, ты представляешь? Раньше, говорят, жены бегали в партком, требуя наказать гулящих мужей по партийной линии. Но чтобы мужик жаловался на любовницу и требовал ее уволить за то, что она ему больше не дает?! Это уже какой-то полный постмодернизм! В смысле пипец. – Машка была вне себя. Спасло ее только то, что начальница никому не позволяла оскорблять своих сотрудников. Она делала это только сама.

Возможно, напоминать Машке про фармацевта сейчас было немилосердно. Но мне не понравилась дурацкая мечтательность, которая замерцала в ее глазах. Поэтому я добавила:

– Баблонавты все одинаковы. Находят женщину поярче и начинают ее гасить.

– Ну да, ну да, – задумчиво протянула подруга.

Сильные негодяи всегда были ее слабостью.

Одно радовало: завтра мы уплывем подальше от всех соблазнов. И, уже завалившись на кровать в нашем прибрежном отеле – шум моря доносился даже сквозь музыку далекой дискотеки, – я вдруг подумала: интересно, что нас ждет среди воинствующих вегетарианок...

Встреча с попутчицами

– О! Вон, кажется, они! – показала Машка на столик в глубине кафе – прямо напротив яхт-клуба.

Четыре дамы уныло потягивали из стаканов сок, а у их ног по-собачьи преданно дремали огромные сумки: с чемоданами на яхты вход воспрещен.

– Привет отважным участницам регаты! Принимайте пополнение! – замахала незнакомкам Машка.

– Нет! В нашем рейсе будет только похудение! – строго заметила, вставая нам навстречу, лошадинолицая организаторша.

И протянула Машке, а потом мне крепкую ладонь:

– Рая!

Я отметила про себя, что она похожа на нашу школьную учительницу физкультуры – невысокая, как табуретка, с плотно сбитой, без намека на талию, фигурой, коротко стриженная, с громким голосом. И, очевидно, с несчастной судьбой: у счастливых женщин не светится в глазах такой идиотический организационный энтузиазм. Как я прочитала на сайте, неутомимая Рая каждые две недели возит на яхте группы худеющих к счастливому низкокалорийному будущему.

– Оксана! – приподнялась сидящая рядом с ней по-кустодиевски пышнотелая, сочная красавица из Мытищ. Про таких мужики с уважением говорят «аппетитная», а женщины – «толстая корова». Ее широкое лицо с большими фарфорово-бесмысленными голубыми глазами, соболиными бровями и алыми губами расплылось в улыбке.

– Садитесь, девчонки! Чего ноги зря топтать?

Она одним движением богатырской руки перетянула к себе сразу два стула от соседнего столика. Мы тут же на них плюхнулись.

Царевна Несмеяна Татьяна оказалась постарше, чем на фотке. Что неудивительно: в эпоху фотофильтров ни одна приличная девушка без них в соцсеть не выйдет. Сильно за тридцатник, стройная фигурка – куда тут худеть? – печальные серые глаза на красивом бледном лице. Казалось, даже в такую жару ее пробирает внутренний озноб.

Четвертую участницу мы видели впервые – это была одна из тех, кого мы в соцсетях не обнаружили. Теперь стало понятно почему. Даже я, при всей своей нелюбви к телевидению, ее узнала. Изольда Истомина, молодая звездочка телевидения. Роли у нее были неглавные, из разряда «подруга героини – змея подколодная». Сколько киношных мужей увела она от несчастных жен в сериалах-близнецах!

В реальности актриса походила на своих роковых героинь только стервозным выражением по-лисий остренького лица. Само же лицо было на удивление бесцветно: белесые брови и ресницы, бутылочного цвета узкие цепкие глазки, тоненький, любопытно ко всему приплюсывающийся нос, жидкий хвостик бронзовых волос. Я еще раз восхитилась талантами киношных гримеров. Зато фигура у нее оказалась выдающаяся. Больше всего из нее выдавалась грудь.

– Силикон! – тут же ревниво шепнула мне на ухо Машка. Эту часть своего тела она считала непревзойденной.

Интересно, каким ветром мужчиноядную Изольду занесло в нашу бабскую компанию?

А звездочка уже покровительственно улыбалась:

– Вижу, вы меня узнали... Учтите, девочки, я здесь инкогнито. У меня ко всем условие: ничего обо мне в соцсетях не писать, меня не фотографировать, фоток не выставлять. Иначе мой агент вас засудит.

И она еще раз улыбнулась самой стервозной из своих улыбок.

– Я здесь тоже инкогнито, – сказала Машка. – Меня тоже не фотографировать. Иначе мои коллеги будут вынуждены яхту взорвать, экипаж уничтожить. Лена, и напомни, чтобы мы пробили фамилию Изольды по базе, можно ли ей открыть допуск на эту поездку. Вы ведь в курсе, что у всех участников будет спецзадание, которое я вам сейчас оглашу?

Судя по воцарившейся за столом тишине, к Машкиному юмору компании еще предстоит привыкнуть.

– Она шутит, – сказала я. – А где еще две?

– Опаздывают! Не понимаю таких людей! Они крадут наше время! – взрыдала лошадинолицая Рая.

В этот момент к нашему столику танцующей походкой от бедра направилась женщина, тянувшая на колесиках красную, как леденец, сумку. Вблизи она напоминала постаревшего нарядного котенка: маленькая, с нарисованным кукольным личиком, в пышной кофточке с бантом на шее. Ни единой морщинки. Но возраст, как древний лик, проступает сквозь умелую реставрацию: даме явно было за пятьдесят.

– О, вот вы где! – удивилась новенькая так, будто мы долго от нее прятались. – Таксисты здесь просто идиоты! Наверное, не все тут меня знают? Валерия Залеская! Ярославское телевидение! – сказала она так, будто произнесла: «Анджелина Джоли». – Ну, кого ждем, мои хорошие?

– Еще одной нет, – не приветливо сказала Рая. – А на будущее надо договориться: никто не опаздывает! Море шутить не любит!

– То есть я не последняя? – разочарованно протянула Валерия. – Сколько сейчас времени? Пол-одиннадцатого? Все, пошли! Кто не успел, тот опоздал!

Я прикинула, что уже три, не считая Машки, претендуют на звание яхтенного лидера.

И правда, Рая тут же вскинулась:

– Здесь командую я!

– Ну так и командуй, моя хорошая! Нам же надо еще обустроиться!

И она, развернувшись, поволокла к выходу свою леденцовую сумку. Изольда тоже поднялась. Первый раунд Рая проиграла вчистую.

...Когда мы подошли к нашей яхте, я быстро окинула взглядом лодку соседей. Там было пусто, дверь каюты задраена. Машка за спиной вздохнула. Я поняла, что она надеялась добить вчерашнего незнакомца градом острот. С этого начинались все ее неудачные романы.

Кроватные разборки

...Яхта, когда мы к ней подошли, поразила внушительным размером. А когда нырнули вниз – ужасающей теснотой. Крохотная кают-компания, отделанная под красное дерево, один полосатый диван, привинченный к полу стол. Как мы все тут разместимся?

– Что застыла! Не зевай! Я уже заняла нам лучшую каюту! На двоих, на корме! Идем! – гордо отрапортовала Машка.

Я шагнула за ней. Элитное жилище больше всего напоминало дорогой гроб – здесь можно было только лежать, глядя на нависающий дощатый потолок.

А между тем за вторую такую же каюту разгорелась битва. Раиса, принимая судно, застолбила ее для себя и Изольды. И уже запихнула под койку сумку и огромный рюкзак.

Оставалась только большая каюта на носу яхты.

– Чтобы я, заслуженный работник культуры, спала вчетвером, как в палатке?! Я на такое не подписывалась! Если вы, Раиса, выбрали эту яхту, то и спите там сами! – шумело Ярославское телевидение. – Или вон пусть ваша напарница там спит!

Она или правда сослепу не узнала нашу звезду, или зловредно притворялась.

– Вы соображаете? – тут же вскинулась телестерва Изольда. – Я никогда не сплю с чужими женщинами! А чтобы вчетвером?! Да такого у меня вообще не было!

– Одна не явилась. Разместитесь! Я, между прочим, тут тоже не за зарплату работаю! – огрызнулась Рая. – Нет, первый раз у меня такой круиз!

– Та девчонки! В тесноте да не в обиде! – прогудела Оксана, раскладывая вещички в большой спальне рядом с молчаливой Таней.

– А тут что? – толкнула Валерия еще одну дверь и быстро юркнула внутрь.

Вдруг наверху пошло движение: кто-то еще шагнул на яхту с причала.

– Капитан, капитан! – понеслось по рядам. И дамы бросились к трапу как по команде «Свистать всех наверх!». Судя по скорости реагирования, каждая уже назначила себя в подруги морскому волку.

Мы с Машкой не стали толкаться. А когда поднялись, подруга разочарованно присвистнула.

Мальчишка! Это же просто мальчишка! Смешной, лохматый, синеглазый. Но никак не похожий на матерого яхтсмена, обветренного, как скалы.

– Парень! Тебе чего? – все еще на что-то надеясь, спросила Машка.

– Здравствуйте! Я Димитрос! Ваш капитан!

Среди женского населения раздался вздох. Как я поняла, наши вегетарианки тоже ожидали увидеть кого-нибудь постарше, помясистее. Парень, будто не замечая всеобщего разочарования, улыбнулся, начал спускаться вниз по трапу и обмер.

Пока Валерия пререкалась с Раей, Изольда и Машка распаковывали вещи. И сейчас вся кают-компания была усеяна кружевными трусами, шортами, сарафанами, купальниками, а один лифчик игриво покачивался на ручке двери в такт волнам.

– Что это? – обалдело спросил Димитрос.

– Безобразие! – с готовностью встряла Рая. – Я им говорила: на море нельзя ничего разбрасывать!

Димитрос, как по минному полю, пробрался к капитанской каюте, толкнул дверь и окончательно впал в ступор. На его кровати были аккуратно разложены стопочки трусиков, кофточек, юбок.

– Видите, капитан, в моей каюте полный порядок! – отрапортовало Ярославское телевидение.

– Но это моя каюта!

– Ваша? Что ж. Я могу потесниться.

– Нет!!! – Димитрос аж рукой на женщину-котенка замахал. – Пожалуйста, заберите свои вещи! И прошу убрать кают-компанию. Через час мы отходим. Все на месте?

– Нет, одна не явилась, – отрапортовала Рая. – Такие необязательные люди бывают! Сейчас посмотрю ее фамилию...

В этот момент мы услышали, как кто-то кричит на причале:

– Але! Тут есть кто-нибудь?

Капитан, а за ним и наш гаремный выводок поднялись на палубу.

Лучше бы мы этого не делали! Когда видишь таких девушек, хочется немедленно лечь на стол к пластическому хирургу, год сидеть на диете, а потом тихо повеситься.

В мире бывают женщины симпатичные, сексапильные, красивые. А бывают вот такие. Инопланетянки. По-моему, им вообще не место на земле.

Сейчас на причале стояла девчонка, чей вид оскорблял все основы развитого феминизма. Сразу понимаешь: люди изначально не равны, если одним природа дает такое...

Сначала внимание привлекали ноги. Они росли, как говорится, от ушей и казались нескончаемыми, как Парфенонские колонны. Тончайшей талии позавидовали бы Гурченко и кукла Барби. Непонятно, где там вообще мог уместиться желудок. Сквозь обтягивающую грязно-белую майку весело просвечивали яблочные груди.

Но главное потрясение – лицо. Оно было абсолютно нездешним. Удивленный разрез раскосых, огромных – прямо до самых висков – глаз необычного цвета: тягуче-янтарного? Темно-медового? Высокие скулы. По-кошачьи острый овал лица. На молоденькую Вертинскую она была похожа, вот что. Если бы та была солнечно-рыжей и недельки две пожила с бомжами на вокзале. Грязная одежда, истоптанные сандалии и давно не мытая голова на такие мысли наводили.

Не порадовало меня это зрелище. Только трудных подростков неземной красоты нам тут не хватало!

– Вегетарианский круиз – это же здесь? – спросила девчонка по-пацански хрипловатым голосом. Выделила в толпе Раю и обратилась уже к ней: – Я Алекс. То есть Александра Иоанниди. Я должна быть у вас в списке!

– Вы сообщаете? Мало того, что записалась в последнюю минуту, так еще и не явилась! Да я вас из судовой роли почти вычеркнула! – завелась Раиса с полоборота. – Это неуважение к другим людям!

– По расписанию до отхода еще пятнадцать минут, – пожала плечами новенькая. И уставилась своими немислимыми глазами на Димитроса: – Вы капитан? Мне куда вещи положить?

Всех вещей у нее было – чудосочный рюкзачок за спиной. И необыкновенной красоты старинное кольцо с огромным сапфиром – неужели настоящим? – на пальце. Я заметила его, когда она, запрыгивая на борт, схватилась за леер у меня перед носом. Нашла куда такое надеть!

– Девочка, а вы вообще совершеннолетняя? Не рано вам по яхтам? – не выдержала телевизионщица Валерия.

– Лучше рано, чем поздно, – глянув ей прямо в глаза, отчеканила Алекс.

И я поняла, что рейс у нас удался.

* * *

Димитрос посмотрел на новую пассажирку. И что-то произошло с его глазами.

Они перестали видеть мир вокруг. Он будто бы исчез за полной ненадобностью. Зрачки превратились в телескоп, который выхватил лишь один объект – эту смешную длинноногую рыжую девчонку. Приблизил его так, что она заняла собой все пространство. И застыл намертво.

Димитрос хотел отвести от нее взгляд. Неудобно как дураку таращиться на незнакомого человека. И не мог. Взгляд физически не отрывался, оставался при ней, как планеты при Солнце.

Наконец Димитрос замотал головой и туповато пробормотал:

– Что?

Девчонка хмыкнула, шагнула на яхту. Спросила невежливо:

– Как зовут?

– Меня? Димитрос...

– Значит, Дима. Где тут моя каюта? Куда идти?

– За мной иди! – скомандовала Раиса, поджав и без того тонкие губы. – У тебя нет своей каюты. Тут не отель пять звезд!

Девчонка скривила смешную рожицу и исчезла вслед за Раисой в яхтенном пузе.

А Димитрос так и остался стоять. Ему нравилось, когда его звали домашним именем Дима. Оно казалось ему теплее, чем серьезное и длинное Димитрос.

Но как девчонка это узнала?

Димка стоял, сжимая в кармане тяжелое золотое ожерелье – он еще не придумал, где его спрятать. Привычно поглаживал пальцами шершавые пчелиные крылья. И вдруг его как током ударило. А ведь это все они, пчелы! Если бы он тогда их со дна не достал, не пошел бы в рейс и не встретил Алекс.

Сейчас это казалось ему невыносимым.

Скрыть следы Крит. 1628 год до нашей эры

– Вызови ко мне Гупана, – сказала Климена смуглолицей молоденькой служанке: услышав, что хозяйка возвращается, та принесла ей сосуд для омовения ног. – Это срочно.

И когда девчонка выскочила, зачерпнула ладонью серебристую воду и протерла сандалии: все же замазалась кровью, когда рылась в сумке убитого.

Кто бы сказал ей о таком еще полгода назад! О! Тогда она царила на Крите безраздельно.

Минос Третий был удобным правителем. Никуда не лез, ни во что не вмешивался. Единственное, что его интересовало – женщины и пиры. Ну и здоровье – справляться с такой нагрузкой. Климена с помощью целебных настоев ему помогала. А он поддерживал ее на советах.

Собственно, после великого Миноса Первого, создавшего их процветающее государство, именно Верховные жрицы и были настоящими правительницами.

Культ красоты. Культ радости. Расцвет всех искусств. Никаких жертвоприношений. Вот что Климена сделала главными законами царства.

Теперь все могло рухнуть. И из-за чего?!

Из-за оргии с черными рабынями из Африки!

Ведь предупреждала Миноса: умерь свою ненасытность, будь осторожен! Нет, ему захотелось новизны. Подхватил от африканок неизвестную болезнь, ни одно лекарство не помогло. Стал гнить заживо. И вот теперь умирает.

Зато его сын Сатур вошел в силу. Сам он, конечно, туповат, но за ним стоит ее давний враг советник Зеро. И если ей вредит он...

Климена поставила ноги в прохладную воду. Прикрыла глаза. А когда открыла, увидела в медное зеркало: Гупан вошел и застыл в ожидании у порога.

Это был не человек, а гора мускулов, из которой выглядывала небольшая осторожная голова. Казалось, при опасности она может втянуться в плечи, как у черепахи – в панцирь.

Все считали, что Климена выбрала начальника личной охраны за его феноменальную силу. Гупан побеждал во всех состязаниях, где можно ее применить. Но Климена выбрала его как раз за эту небольшую голову. Десять лет назад она увидела, как молодой мускулистый воин руководит игроками в командных состязаниях. Умело расставляет бойцов, на ходу меняет планы, хитроумно заманивает противников в ловушки. Это был изощренный стратегический ум.

Климена поняла, что ей нужен именно такой человек. А что нужно самому воину, она быстро узнала.

Принять его решила в церемониальном зале. Ослепить блеском золотого, расписанного дивными птицами трона. Ну и своим.

Гупан вошел, склонился. Климена молчала. Он взглянул вверх. Застыл на мгновение. Потом прикрыл веки: в ту пору сияние ее красоты слепило мужчинам глаза.

– Я ищу смелого надежного человека. Пойдешь ко мне в личные стражи? – спросила Климена бархатным, невероятной красоты голосом: некоторые говорили, что за этот голос и выбрали ее боги.

Гупан понурился:

– О медоносная, Посланница великой богини Реи на земле, Мать всего сущего...

– Оставь. Мы здесь одни. Просто скажи: да или нет?

– Такое предложение – великая честь. Но у меня больна мать. У отца проблемы на ферме. Я не могу их бросить.

– Я заплачу долги твоего отца. Он не виноват, что ударила засуха. А мать твою буду лечить сама. Я вообще много могу сделать для того, кто мне преданно служит, – чуть усмехнулась Климена.

Гупан поднял голову, глянул уже смело, открыто:

– Я буду служить преданно. Но не ради твоих благ. Ради тебя самой, о медоносная.

И с тех пор ни разу не подвел. Он стал ее тенью и лучшей защитой. Вся охрана дворца была под его контролем. Ну и разные личные поручения тоже выполнял. Свой был человек. Надежный. Поэтому сейчас Климена могла говорить откровенно.

– Убили капитана судна из Тиры.

Гупан нахмурился, отчего его левая, когда-то рассеченная ударом меча бровь разошлась на две половинки. Убийства во дворце были редкостью. Разве что подмастерья подерутся, или заезжие гребцы не поделят добычу от запрещенного дурмана. В любом случае это он всегда сообщал Климене новости.

– Странно. Я ничего об этом не знаю...

– Надо, чтобы больше никто и не узнал. Тело в задней комнате в таверне у Линоса. Учти – Линос тоже его не видел. Надо все тихо прибрать.

– Понял.

– Там не простое убийство. Он должен был сообщить мне важные сведения. Кто-то об этом узнал, и его зарезали. Хорошо бы найти исполнителя. И того, кто его послал.

– Да, медоносная.

– Еще. Родители капитана умерли, но на Тире наверняка его кто-то ждет. Они не должны мучиться неизвестностью. Пусть о его смерти сообщат. Но это должен быть несчастный случай, не бросающий на него тень. Пошли надежных людей.

– Я сам все сделаю. Могу идти?

– Да. Только... Если вдруг увидишь, что ниточки ведут к семье Миноса... Сразу доложи мне. Теперь иди.

Но Гупан топтался на месте.

– А если это будет человек Зеро?

Климена бросила на стража быстрый взгляд.

– Тогда тем более.

Гупан кивнул – с того первого дня он общался с Верховной жрицей запросто. И тут же исчез. Это было одно из его удивительных качеств: человек-гора мгновенно и бесшумно передвигался в пространстве. Иногда казалось – он просто растворяется в воздухе.

Климена рассеянно глянула в медное зеркало и отшатнулась. Ей показалось, что там, в глубине, полыхает огненное зарево.

* * *

Вот уже несколько месяцев ее преследовали ужасные видения. Трупы. Огонь. Грозная черная туча, надвигающаяся на остров... Картины были неясные, колеблющиеся, но такие страшные, что она даже не рискнула кому-то о них рассказать. Может, это с ней что-то не так? Бывают же кошмарные сны от усталости и расстроенных нервов?

Климена тряхнула головой – и зарево в зеркале превратилось просто в отблеск солнечного луча.

Последние дни и правда были очень тяжелыми. Ее мир рушился. Нет, не так. Ее мир кто-то рушил. И это были не боги. Но кто?

Вопрос теперь преследовал ее повсюду. Она всматривалась в лица друзей, слуг. Ведь ясно – предает кто-то из своих. Тот, кто совсем рядом. Убийство капитана и вовсе стало знаком: нам известен каждый твой шаг.

Кто мог знать об их встрече?

Климена прикрыла глаза, чтобы лучше вспомнить.

Вот они с капитаном стоят на причале в Тире. На острове только что закончился праздник начала лова рыбы, куда ее пригласили провести церемонию приношения даров Священному Осьминогу, мудрому покровителю моряков. Огромные суда тычутся загнутыми носами в доски, солнце дышит жаром. Капитан смотрит на нее. А она – на высокую, похожую на конус гору перед входом в бухту.

Нехорошая это гора. Злая. А разговоры ходят, что происходят на ней чудеса. Старая смоковница дала плоды. В скале открылся молодильный источник. Какое-то дыхание бога они там видят...

Климена говорит Атимбру чуть слышно:

– Постарайся понять, кто и как все устраивает. Сходи на гору сам. Подсмотри. Ты же не веришь в знаки Посейдона? Или в то, что это гневается бывший главный бог Ишашаламу?

Капитан улыбается:

– Нет, медоносная!

– Тогда жду тебя у Линоса. Через две недели. В полдень.

Нет, ни одного человека не было тогда рядом с ними. Проговорился ли кому-то сам Атимбр? Или за ним устроили слежку?

Климена встала. Посмотрела на вареное яйцо, которое положила на столик. Зачем она его взяла? Но еще непонятнее, зачем его принес на встречу с ней капитан.

Надо идти, предупредить Мину. Если пока не могут ударить по самой жрице, нанесут удар по той, кого она прочит в преемницы.

Встреча с Миной

– Постой. – Сатур схватил пробежавшую по площади Мину за юбку и притянул к себе, так что ее голые груди впечатались в его потный атлетический торс.

Мина слышала, что в других странах женщины прикрывают грудь, и в этот момент пожалела, что у них не так. Потому что Сатур нагнулся и захватил губами ее сосок.

Мина гневно вырвалась. Сын царя хохотнул:

– Да ладно, тебе ведь нравится. Такие неженки обожают грубую силу! Видишь? Я готов хоть сейчас! – показал он на свой вздыбившийся гульфик.

Стоявшие рядом с Сатуром приятели – ниже его на голову, с резкими, словно плохо вытесанными из камня, как у всех микенцев, лицами – похотливо заржали.

Сатур преследовал ее уже несколько месяцев. Притом что у него – красавчика, наследника царя и первого атлета острова – не было недостатка в женщинах. Они вокруг него вились мотыльками. Но самое сладкое – то, что не можешь ухватить.

Мина – тоненькая, нежная, похожая не на спелый сочный плод, как большинство веселых критянок, а на тонкий лесной цветок, слыла недотрогой. Только волосы ее, казалось, призывно пылали: рыже-медные, вспыхивающие на солнце слепящим золотом. Это у нее от отца, лучшего ювелира острова, огненноволосого Феодокара. Говорят, его предка привезли из Египта: там рыжих считали колдунами и убивали. Феодокар немного колдовства перенял: все знали, что его украшения приносят владельцам здоровье, удачу и защиту от бед. Сам Сатур носил на пальце его кольцо.

Мине тоже от отца немного магии перепало. Ее любили звери и птицы. Похоже, она даже умела с ними разговаривать. Все видели, как ласточки садятся ей на плечо. Как подплывают к ней в море дельфины и катают на спинах. И, наконец, как слушают ее обезьяны на плантациях шафрана. Именно Мина предложила: чем воевать с отрядами обезьян, устраивавших набеги на сады, давайте попросим их собирать шафран, а за это дадим им еды.

Конечно, над ней посмеялись. Но Мина что-то пощebetала на ухо обезьянному вожаку, погладила ему брюхо. И обезьяны стали отлично собирать шафрановые листочки в развешанные корзины.

Сатуру все это казалось дурной блажью. А девчонка нравилась. Необычная. С такой позабавиться – одно удовольствие. Так он себе говорил.

А только был у Миной и еще один дар. Когда она на тебя смотрела, казалось, вокруг струится сияющий поток любви, а на тебя льется теплый ласковый свет.

Сатура это особенно злило. Они с Миной оба росли без матерей: жена Рыжего умерла при родах, жена Миноса Третьего – от несварения желудка: слишком обильными были у них пиры. Супруги и любовницы царя менялись, но до царского сынка дела никому не было. В том числе отцу.

Сатур думал, что и не бывает ничего такого. Никакой любви. Раз у него нет, значит, ни у кого. А выходит, ошибся.

Ему хотелось оскорбить Мину, ударить, унижить, растоптать то непонятное, что так его тревожит.

И одновременно – закрыть ее у себя в покоях. И смотреть. Если дан ей такой свет, зачем дурочка Мина тратит его на всех подряд?

Вот только ни того, ни другого нельзя. Пока нельзя. Мина стала младшей жрицей, да еще ходит у Климены в любимицах.

– Пропусти! – словно услышав его мысли, решительно сказала Мина. И Сатур, хохотнув, шагнул в сторону.

Ничего. Скоро, очень скоро они увидят.

* * *

Мина спешила на пристань. Путь неблизкий, но она теперь почти каждый день туда бегала. Ну как – бегала? Выходила из дворца на дорогу и смотрела, нет ли попутной воловьей повозки. С утра закупщики из таверн, пекарен, дворцовой кухни, мастерских ехали на прибрежный рынок за товаром. На пристани торговцы из Месопотамии, Фив, Африки, Египта сильно скидывали цену. Мину на попутные повозки охотно сажали: встретить жрицу на пути – к удаче. А такую молоденькую – просто к удовольствию: поболтать да поглазеть.

Мина тоже вроде бы ехала на прибрежный рынок. Но на пристани первым делом смотрела: что за корабли пришли из Тире. Не тот ли, где служит Яр? И сама пугалась своих мыслей. Увидит его – что скажет? Вдруг он и не помнит ее совсем?

Сегодня новых судов не было. Несколько торговых парусников да рыбацкие суденышки. Мина поплелась к рынку, где шумел веселый утренний торг. Здесь пахло только что выловленной рыбой – она еще трепыхалась в огромных корзинах, – неведомыми разноцветными плодами, что россыпью лежали на длинных грязных столах, и смесью острых пряностей, удаляющих в нос.

Толстый африканец в оранжевой юбке, с бусами из чьих-то зубов на шее никак не уступал одному из молодых ювелиров слоновьи бивни. Вокруг собралась толпа болельщиков.

– Хороший товар! Хорошая цена! – цокал африканец по-критски: хочешь что-то продать – научись убалтывать покупателей на их языке.

– Что это за бивни? Все желтые! Твой слон от старости умер сто лет назад! – оглядываясь на разинувших рты слушателей, задира л продавца юный щеголь.

– От какой старости! Еще две луны назад бегал! Я лично его убил!

– Прадедущка твой его убил, и то слон его попросил: добей, нет сил больше мучиться!

– Говорю тебе – молодой слон! Богиней Реей клянусь!

– Хитрый какой! Нашей богиней клясться! Ты своим богом поклянись! Кто он у вас?

Покровитель врунов?

Толпа загоготала.

– Мина! – окликнул кто-то сзади. И она, еще не обернувшись, узнала. Климена.

– Так и думала, что найду тебя здесь! – ласково сказала Верховная жрица, выглядывая из легкой золотой коляски, в которую были запряжены два коричневых быка.

– Я... За свежей рыбой. Для отца...

– Конечно. За чем же еще? – Климена улыбнулась. – Они прибудут через два дня.

– Кто? – Мина спрятала глаза.

– Яр. И другие участники состязаний со Священным быком. Да не смущайся. Станешь старшей жрицей – выйти замуж не сможешь. Но любить боги не запрещают. Садись, мне надо с тобой поговорить.

Мина забралась в изящную, расписанную золотыми пчелами и цветами шафрана коляску, которая тут же повернула не ко дворцу и не к причалу, а к длинной косе, выдвинувшейся в море. Там в тени под пальмами стояла скамья.

Возницу Климена оставила на дороге. К скамье повела Мину тропкой между цветущими рододендронами.

– Ты готова к состязаниям? – спросила, усаживаясь и кивая Мине на место рядом. – Учти, Арья – отличная гимнастка. Я видела, как она перескакивала через спину обычного быка. А он был побольше и позлее, чем Священный белый бык.

– Я готова. – Мина открыто взглянула в глаза Климены: этого разговора она не боялась, не то что про Яра...

– Не хочу тебя пугать. Но у меня есть враги, которые захотят навредить и тебе. Арья все сделает, чтобы стать второй жрицей – для начала. Да и братец ее... Это очень важно. С этого дня ничего не пей и не ешь из чужих рук. Не ходи в таверны.

– А в пекарню? К Пафосу? У него такие вкусные сладости!

– Только если он при тебе достанет из печи целый лист. И еще. Если тебя куда-то позовут... Скажут, от меня или из школы жриц. Иди, только если гонец скажет вот это слово: «Акалла».

– Акалла... Красивое. Что оно значит?

– Так звали дочь Миноса Первого, которая стала первой Верховной жрицей. Она, как и ты, понимала язык животных. Но, может, ты пойдешь дальше. Ведь ты умеешь с ними разговаривать. Запомнила?

Мина кивнула.

– Тогда увидимся на совете.

Климена встала, собираясь уйти. Но наткнулась на нерешительный, просительный Минин взгляд.

– Что-то хочешь спросить?

– Я... Нет... Да... А правду говорят: если ночью пойти на гору Юкта и бросить в огонь для богини Рато мертвую лягушку, толченый шафран и цветок амарилуса, то твой избранник влюбится в тебя на всю жизнь?

– Откуда ты только эту глупость берешь!

– Нет, не глупость! У нас двум девчонкам помогло!

– Что ж сама не сходила, не проверила?

– Лягушку жалко.

Климена рассмеялась:

– Не надо никаких заклинаний. Сам влюбится. Ладно, беги!

Мина как на крыльях унеслась. Ведь если Верховная жрица говорит, что он влюбится, то, наверное, она это знает?

И только когда Мина скрылась из виду, Климена подумала: «Совсем еще девчонка. Может, рано бросать ее в этот жертвенный котел?»

Было у нее тут и еще одно дело.

– Когда ваше судно возвращается в Тиру? – окликнула она маящегося от жары дежурного на корабле, на котором приплыл вчера Атимбр.

Дежурный, завидя Верховную жрицу, вскочил, шагнул из-под слабой тени мачты под палящее солнце.

– Не знаю, о медоносная! Капитан должен сказать. Обещал – дня три постоим.

– А где капитан? – спросила Климена, чтобы не выдать своего печального знания.

– Во дворце. За покупками поехал.

– Кто-то был с ним?

– Нет. Один уехал.

– А здесь, на судне. Не приходил ли кто к нему? Не было кого-то из посторонних?

Ей показалось, дежурный на секунду замялся. Но покачал головой:

– Я никого не видел, медоносная. Лучше спросить у капитана.

– Хорошо. Постараюсь его увидеть.

Климена сама удивилась, какой болью ударили ей в сердце эти неуместные слова.

Но она его увидела.

– Пропустите, пропустите! – кричал возница, когда, вернувшись во дворец, они подъехали к главной площади.

Улицу перегородила толпа. Из-под строительных лесов двое рабочих выносили завернутое в белую ткань тело. На месте головы ткань быстро пропиталась красным...

Толпа охнула.

– Что случилось? – спросила Климена у пробегавшей мимо девчки.

– Ой, беда! Одного моряка из Тире бревном убило! Упало ему прямо на голову! Голова всмятку!

Рядом с каретой тут же возник Гупан, откуда только взялся. Громко, чтобы слышали те, кто сгрудился вокруг повозки, доложил:

– Несчастный случай, о медоносная! Капитан из Тире зашел посмотреть, как готовится загон для Священного быка. Очевидно, тронул одно из бревен. Оно и упало. Рабочие его еще не закрепили, ушли обедать. Мы проведем расследование. Рабочих накажем. Хотя всех предупреждали: на место стройки не ходить!

– Наказывать не надо. Поставьте заграждение. Капитан был нездешний, он просто не знал, – сказала Климена, провожая глазами повозку, в которую погрузили тело. Сердце сжало нехорошее предчувствие.

А Гупан наклонился к самому ее уху и прошептал еле слышно:

– Все сделано. Убийцу Атимбра ищем.

И тут же растворился в толпе.

Пока шла в свои покои, Климена все думала: что показалось странным в этом мимолетном разговоре? И только войдя к себе, поняла.

Давая задание Гупану, она велела сделать так, чтобы не замарать имя убитого. Но само имя не назвала. А Гупан его тогда не спросил. Интересно почему?

Кто дежурный? Крит. Наши дни

– У меня объявление! – Зычный голос Раисы звучал над яхтой ударным гонгом.

Мы только что вышли в море, и в нашей клетке с тигрицами наступило временное затишье. Все разбрелись. Алекс села на самом носу, свесив нескончаемые ноги. За ней на палубе разлеглась Изольда, раскинув блестящие от крема конечности в разные стороны, будто она витрувианский человек.

Мы с Машкой устроились на левом борту яхты с видом на бухточки Крита.

Пышнотелая Оксана, печальная Татьяна и энергичная телевизионщица Валерия сидели на корме с видом на капитана, наблюдая, как он рулит: в отсутствие других особей мужского пола Димитрос быстро набирал очки.

Капитан рулил уверенно, смотрел строго вперед, но непонятно, куда именно: на проложенный курс или на болтающую ногами Алекс.

Никаких парусов мы, естественно, не поднимали: я заметила, что большинство наемных яхт трюхает себе под моторами. Да и ветра не было. Тишь да изумрудная гладь.

– Рай! – мечтательно воскликнула Машка.

Тут-то из яхтенного пуза со своим трубным криком и вынырнула Рая: решила, что мы по ней стосковались.

– Девочки! Что я придумала! Сейчас назначим дежурных по камбузу. И каждая в свое дежурство приготовит любимое вегетарианское блюдо!

– Мы что, будем готовить сами?! – возопила Машка.

Никогда еще Штирлиц не был так близок к провалу. Единственное блюдо, которое Машка могла приготовить, – брошенный на сковороду стейк. Даже яичница у нее обычно подгорала.

– Здесь поваров нет!

– Я тогда лучше на бутербродах!

На яхте повисла тяжелая пауза. Я пихнула Машку локтем.

– У нас зожевский круиз! – наконец обрела дар речи Рая. – Для похудения и оздоровления! Какие бутерброды? Хлеб – это источник шлаков и углеводов!

– У меня в бутербродах нет хлеба. Они из цукини, фейхуа и брокколи! – нашлась Машка.

– Во-от. Уже интересно. Покажете. Готовить будут все, – не отступила Рая.

– Я – пас, – подала голос распластанная на палубе телестерва Изольда. – Я в принципе не готовлю. В ресторанах ем. И вообще, у меня через две недели съемки. Еще ноготь сломаю. Нет, как-нибудь без меня.

– Нормальненько! – Рая аж с места подскочила. – У одних ногти, у других фихуя! Эта малолетняя вообще небось к плите не подходила...

– Почему? – вдруг обернулась к нам Алекс. – Я отлично готовлю. Бриам, мелидзано, мусаку без мяса...

– Откуда вы знаете эти греческие блюда? – неожиданно подал голос молчавший с самого порта Димитрос.

И даже сквозь темный до черноты загар покраснел.

– У меня отец грек, – буркнула Алекс. – Я вообще живу в Афинах.

Мы с Машкой переглянулись. И только я хотела сказать, какая странная у нас подобралась компания, как Валерия вскричала дурным голосом:

– Куда они прут?!

Схватила Димитроса за руку.

– Капитан, посмотрите!

Все обернулись. Прямо на нас под острым углом шла яхта.

Димитрос чуть отвернул влево. Чужая яхта тоже отвернула влево. Димитрос вильнул к берегу. Яхта не отступала. Сидящий за рулем мужик в белой тенниске, похоже, решил нас протаранить. Мы все замерли, но, приблизившись к нам почти вплотную, этот идиот все же крутанул штурвал в сторону, заржал. Помахал нам рукой и зычно гаркнул:

– Привет едокам картофеля!

– Пьяный за рулем – преступник! – прокричала Машка ему в ответ. Только сейчас я узнала ее вечно поддатого ухажера.

Из каюты «Париса» высунулась недовольная голова женщины-кнопки, и яхта нашего нового знакомого, развернувшись, устремилась в синюю даль.

Валерия уставилась на Машку змеиным глазом:

– Вы что, его знаете? Избавьте нас от таких знакомых!

– Это еще мои друзья на подлодке не подтянулись! – хмыкнула Машка. И, повернувшись ко мне, расплылась в довольной улыбке:

– Вот ненормальный! Нашел нас!

Лично я ничего хорошего в том, что ненормальный нас нашел, не увидела.

* * *

Димитрос проводил глазами чужую яхту, повернувшую в сторону Ираклиона, и нахмурился. Чего привязались? Вчера этот «Парис» втиснулся рядом с ним на стоянке, теперь вот чуть не протаранил. Или это уже паранойя?

А все потому, что Димкин план не терпел посторонних глаз.

Высадить пассажиров купаться в какой-нибудь бухте, а самому наведаться к подводному кладу. Круизная яхта ведь чем хороша? Она как невидимка. На нее никто и внимания не обратит. Нырнуть, что-то еще достать. Поставить под водой крошечный буй – вдруг опять шторм все перебаламутит. И после рейса сразу двинуть в Афины. Пусть антиквары скажут, что именно он нашел. Ценности, которые стоит отдать в музей – для таблички с именем. Или обычное старье, чтобы продать и немного заработать.

Димка глянул на проплывающие мимо скалы, к которым ласточкиным гнездом прилепился один из самых дорогих ресторанов острова. И невольно подумал: счастливые люди там сидят. Никаких у них забот...

Ресторан «Минотавр»

– Что у тебя тут за мебель! – Ионидис пытался втиснуть свою тушу в прокрустово ложе тонконового стула. Столик в ресторане над морем стоял у самого окна, и яркая синь с порхающими мотыльками белых яхт слепила глаза.

– Сейчас заменю! – суетливо подскочил официант. Через минуту он вынес на веранду большое кресло.

Антиквара Ионидиса на Крите уважали. Он оставлял хорошие чаевые. И не спускал обед.

Рядом с ним сидел посетитель совсем иного толка. Молодой, похожий на итальянского мафиози хлыщ с наколкой на плече и узкими, будто прищуренными глазами. Когда он наводил их на собеседника, казалось, будто на тебя уставилось лезвие ножа. Но перед Ионидисом хлыщ стелился и стальное сверкание глаз гасил.

– Я тебе говорил: действовать осторожно, – прошлепал толстыми губами Ионидис. – Твои чуть не угрохали мальчишку. Нормально?! В итоге парень сбежал. Это что, по-твоему, работа?!

– Моя вина. Взял одного новенького. Ну тот и... Перестарался. Мы этого щенка найдем!

– Не надо искать. Я уже нашел. Яхту он у Лукаса взял, с пассажирками. Капитаном пошел.

Дурак, а соображает.

– Бабами прикрывается?

– Нет. Скорее, хочет незаметно к своей находке наведаться.

– Что нам тогда делать?

– Слушать меня. Я опять все за вас сделал. У меня там рядом с ним свой человек. Как парень с маршрута сойдет – позвонит. Твои чтобы были наготове. С катером, а лучше – с двумя. Один в районе Ханьи, другой в Ираклионе. Мы не знаем, где это место. Тепленьким его надо взять. С добычей. Но без скандала.

Хлыщ сощурил глаза:

– Это как? Если с ним куча баб? Они же визг поднимут!

– Не будет он при них нырять, высадит где-то. Короче, она сразу мне доложит. И ты выдвинешься.

– Как я его найду? Эта твоя... которая там с ним. Я могу ей позвонить?

– Ты идиот? Придет время, скажу где – и найдешь. Связь держишь через меня. Как парня возьмете, сообщите пассажиркам, что у капитана, ну, не знаю, сердечный приступ и вы везете его в больницу. Чтобы раньше времени кипеж не подняли, пусть Лукас их эвакуирует. Да, еще: парень нужен живой, говорящий. Усек? Позже скажу, как узнать моего человека, чтобы дел не натворили. Все понял?

Хлыщ кивнул.

– Тогда вали. Дай пожрать спокойно.

Бритвоглазый подскочил с места.

Богатые клиенты изумились бы, услышав этот разговор тонкого знатока искусств с бандитом-отморозком. А Ионидис, вальяжно развалившись, уже тыкал подскочившему официанту в меню.

Через несколько минут тот налил ему из бутылки прохладное зеленое вино. И торжественно вынес из кухни фирменное блюдо: кучу морепродуктов на овальном блюде.

Ионидис лениво ковырял вилочками в горе осьминогов, лангустинов, крабовых клешней. Размышлял: сейчас все зависело от того, справится ли она.

Сморщив нос, подозвал официанта:

– Дверь на кухню прикрой! Жареной рыбой на весь остров воняет!

Нехороший запах шел и от самого этого дела. Обоняние и чуйка у Ионидиса были отличные.

Запах смерти

Крит. 1628 год до нашей эры

– Как он?

Арья нетерпеливо глянула за спину братца Сатура, который только что вышел из покоев отца. Там, в спальне, царил настоящий на тревожных запахах лекарств полумрак: окна завесили тканью, чтобы солнце не слепило Миносу глаза. На лежанке виднелся только белый бесформенный куль. Говорят, кожа царя покрылась гнойными язвами и не терпела прикосновения даже легкой накидки.

Арья злилась. Еще месяц назад Сатура и на порог бы не пустили. Минос не интересовался своими детьми. Только шлюшками. Но как почувствовал, что скоро предстанет перед богами, засуетился. Надо же оставить наследника. А вот ей по-прежнему сюда хода не было. Неприлично женщине видеть царя голым. Даже родне. Хотя несколько сот чужих женщин уже давно насладились этим зрелищем. Хорошо хоть, уговорила брата провести ее в комнату ожиданий.

– Ему плохо, – сказал Сатур.

– Знаю, что плохо. Насколько плохо? – Арья не скрывала раздражения. Ей надо было увидеть отца, пока он еще может говорить. Судя по всему, времени осталось немного.

Сатур пожал плечами:

– Зеро сказал, завтра с Тиры придет корабль, там есть очень хороший лекарь.

– Не смехи. – Арья тряхнула головой, отчего густые волосы заструились по груди змеями. – Хотел бы хорошего лекаря – позвал бы Климену. О чем вы там с Зеро договорились? Хотите ускорить встречу отца с богами?

– Тише! – Сатур боязливо оглянулся, хотя они в комнатке перед спальней были одни.

Только сладострастные голые вакханки, несущиеся в танце, призывно поглядывали на них с ярких фресок. Минос любил готовить своих посетительниц к тому, что их ждет. Сейчас плотоядные улыбки красоток казались насмешкой.

– Ладно, слушай. Дворцовый лекарь думает, что Минос может не дожить до полнолуния. – Сатур наклонился поближе и зашептал Арье в ухо: – Только Зеро сказал никому не говорить. До Игр. Там у него еще не все готово.

– Что? – Арья цепко схватила младшего брата за плечо. – До полнолуния – два дня. А до Игр – почти месяц! Зеро думает скрыть смерть отца?!

– Не совсем. Просто сейчас не время. Лучше, если он умрет перед самыми Играми. Поэтому Зеро и вызвал лекаря с Тиры. Вроде бы есть какие-то снадобья. Чтобы человек не говорил. Только дышал.

– Угу. А Зеро будет распоряжаться за него.

– Почему? Мы с ним вместе... Я же наследник. Отец меня выбрал.

– Про Верховную жрицу был разговор?

– Нет. Отец не хочет связываться с Клименой.

– Она что, останется? Ты же не сможешь править! Я за тебя волнуюсь!

– Не волнуйся. Зеро сделает так, что ее больше не выберут. Что-то там с ней произойдет.

Младший брат вдруг совсем по-ребячески закрыл рот ладонью:

– О боги! Он велел об этом молчать. Ты же меня не выдашь?

Арья ласково улыбнулась. Дурачок Сатур никогда не умел хранить секреты. И не мог ей противостоять. Так повелось с самого детства: она всегда была главной. Так должно и остаться.

– Не бойся. Мы же с тобой заодно! Только ты вот что: вызови служанку из спальни. Мне надо поговорить с отцом.

– Ты что?! Зеро разозлится! Тебе нельзя туда заходить!

– А тебе нельзя болтать о его планах. Ты же болтаешь! Да не трясись. Я на минутку. Всего-то сказать несколько слов.

– Как я ее вызову?

– Скажи, забегал мальчишка, велел ей зайти к Зеро. А ты пока вместо нее побудешь с отцом.

– Она же тебя увидит? Зачем я вообще взял тебя с собой!

– Не увидит. Я спрячусь. – Арья кивнула на массивное деревянное кресло в углу комнаты: оно было расписано картинками с теми же вакханками, но уже ласкающими друг друга в предвкушении главного блюда. За его спинкой мог смело скрыться небольшой отряд.

Сатур тяжело вздохнул:

– Только недолго. Ты обещала!

Как только служанка засемила вниз по лестнице, Арья выбралась из-за кресла, шмыгнула в спальню. И на секунду даже замерла, вдохнув тяжелый, сладковато-гнилостный запах. Красные тела танцорок на фресках вдоль стен выглядели в полутьме злыми тенями из подземного царства.

Минос лежал на спине, и Арья невольно скользнула взглядом по его чреслам: что уж там такое управляло всей жизнью этого человека, а теперь довело до смерти?

Ничего выдающегося. Сморщенный кусочек увядшей плоти. И вот из-за этого их семья лишилась власти всесильной морской империи?!

Минос застонал, пошевелился. Арья подошла к изголовью, еле сдерживая желание заткнуть нос. Исхудалое тело некогда дородного Миноса было покрыто красными чирьями.

Минос приоткрыл глаза. В них застыло удивление. Арья не могла быть здесь. Но она, преодолев отвращение, наклонилась к самому его уху.

– Отец! Ты должен мне сказать! Это очень важно! У тебя есть еще дети?

Минос не шевелился. Арья поняла, что от волнения спросила неправильно. Дворец был полон чумазыми отпрысками Миноса, которые с криками носились по всем лестницам. Но это были мальчишки. Так распорядились боги. Считалось, что девочка родилась всего одна – Арья. Теперь надо было в этом окончательно убедиться.

– Дочери! Есть у тебя другие дочери?

Лицо Миноса не дрогнуло.

– Ты что, не понимаешь? От этого зависит моя жизнь! Есть ли где-то еще женщины из рода Миноса? Те, которых боги могут выбрать в Верховные жрицы по крови? Говори!

Минос глядел на нее неподвижно. Из открытых глаз вдруг потекли слезы.

– Да или нет?

Минос помедлил. И быстро закрыл глаза.

Это можно было считать ответом «да». Или знаком, что отцу стало хуже.

Арья так и не смогла это узнать, потому что от двери послышался знакомый раскатистый голос:

– Что ты здесь делаешь? Кто тебя сюда пустил?!

Надвигалась расплата. Впрочем, Арья ее ждала. Только дурачок Сатур мог думать, что Зеро не примчится сюда сразу же, как услышит рассказ служанки о странном вызове. Раз советник не захотел пригласить ее к себе, пусть прибежит сам. Вот только время немного не рассчитала...

– Выходи! Быстро!

Ей показалось, что даже бесчувственный Минос дернулся от этого грозного крика Зеро.

Зеро сердится

Арья, вскинув голову, неторопливо двинулась к выходу из комнаты отца. Пусть Зеро позлится. В конце концов, она дочь царя, а он всего лишь советник.

И сама испугалась этой мысли. Как бы случайно Зеро ее не прочитал! Все знали, что в гневе он неудержим, словно злой бог в него вселяется. Вот и сейчас бесцеремонно вытолкал ее в комнату ожиданий, прожег насквозь чернящими глазами.

– Что тебе там было нужно?

Зеро только что исполнилось сорок три года – почти старость. Но он сохранил прекрасную форму: длинные, до пояса, густые волнистые волосы, в их черноту уже вплелось серебро, что только придавало ему мужественности. Широкие плечи, тонкая талия, волевое умное лицо с огненными глазами. Он был бы красавцем, если бы не увечье. На левой щеке у виска алело безобразное неровное пятно. Левая нога была короче правой, и хромота, похожая на нервное подсакивание, придавала его походке что-то птичье.

Когда-то, еще юношей, он участвовал в состязаниях в честь Священного быка. Ничто не предвещало несчастья. Зеро, сын Миноса Второго от первой жены, считался лучшим спортсменом царства. И одним из умнейших молодых людей своего поколения. Это его, а не младшего сводного брата, трусоватого лентяя, выпивоху и гуляку, все видели новым царем, Миносом Третьим.

Но Священный бык рассудил иначе. Всего-то и надо было перескочить через его спину: считалось, так провозглашается воля богов. Но то ли боги его не выбрали. То ли просто не повезло. Во время прыжка бык вдруг резко скакнул вбок, тряхнул головой, так что пропорол рогом юноше, летящему над его спиной, ногу. И Зеро упал лицом на ограду, содрав кожу до кости.

Так в двадцать лет он лишился всего: трона – на Крите, где царит культ красоты и спорта, – калека никогда не смог бы стать царем. И Климены – первой красавицы царства, подруги детства, в которую был влюблен, сколько помнил себя.

Зеро посмотрел на горделиво вскинувшую голову Арья, и на секунду зажмурился: так она походила на юную Климену. Вот только у той не было такого безжалостного блеска холодных глаз.

– Я хотела попрощаться с отцом. Мне сказали, он очень плох. – Арья смотрела на Зеро с вызовом.

– Рановато прощаться. Боги пока не торопятся забирать его к себе. Что тебе нужно на самом деле?

Арья помедлила: пора ли уже сказать то, из-за чего и хотела его видеть? И она решилась:

– Я хочу стать Верховной жрицей. Вместо Климены. Можешь помочь?

Зеро насмешливо ее оглядел:

– Детка, тут одной хорошей фигуры мало.

Но тут же свернул усмешку.

– Пойдем поговорим. Здесь не место.

– А я? – наконец обрел дар речи Сатур.

– А ты научись делать то, что я тебе сказал. Иначе можешь не увидеть трон.

Зеро кивнул Арье, и они вышли на галерею, уставленную вазами с дурманно пахнущими лилиями. Яркие фрески на стенах изображали сбор винограда, праздник бога солнца, спуск нового корабля, нарядных девушек. И Арья, поглядывая на них мимоходом, подумала, как приятно править богатым и процветающим царством. При ней веселья, пиров, празднеств будет еще больше. Пора разрешить то, что запрещает Климена: чем ей не нравятся оргии, когда тебя

ласкают сразу много мужчин и женщин? Шафрановый настой, от которого ты становишься ближе к богам и видишь то, что обычно от тебя скрыто? О! Она отменит все эти запреты!

Зеро вдруг свернул с центральной галереи в боковой ход, толкнул рукой настенную фреску с головой Священного быка. Фреска неожиданно подалась внутрь.

– Заходи!

За разрисованной стеной открылась просторная комната. Арья и не знала, что она тут есть. Здесь царил идеальный порядок. Резной стол, очевидно, привезенный из Африки: у них не росли такие красные деревья. Кресло, похожее на царский трон. Еще два кресла по бокам. Шкаф с осьминогами на створках. Мраморная лежанка в углу без одеял и подушек. Окно-воздуховод выходило в глухой внутренний двор: единственное крошечное окошко напротив вело на старую лестницу.

– Так чего ты хочешь? – кивнул ей на одно из кресел Зеро, усаживаясь в то, что стояло у стола.

– Ты знаешь. Климена постарела. Я буду хорошей Верховной жрицей. Лучшей.

– Что ты готова для этого сделать?

Арья на секунду замешкалась. Неужели этот дальний родственничек тоже пал жертвой ее чар и потребует?.. Что ж, это неплохо.

– Все, – сказала она, быстро облизнув губы и глядя прямо ему в глаза.

– Так много не потребуется, – усмехнулся Зеро. – Будешь выполнять мои поручения. Очень точно, ничего не спрашивая. Учти. Я могу сделать Верховной жрицей кого-то еще.

Арья вздрогнула. Неужели у нее все же есть соперница?

– Даже если она не будет царской крови, – добавил Зеро.

Арья выдохнула. Ну уж нет! Если есть дочь царя, остальным это место не светит.

– Я согласна. Что ты сделаешь с Клименой? – быстро спросила она, понимая, что встреча подходит к концу.

– Я – ничего. Придет время, все узнаешь. Пока – подружись с Миной.

– С этой ненормальной? Зачем?

– Я сказал – не спрашивай. Просто стань для нее самой близкой подругой. Очаруй, подчини себе – все, как ты умеешь. А сейчас иди.

Зеро подошел к двери, толкнул ее, кивнул, чтобы Арья проскользнула в щель.

Арья выскочила из комнаты. Оглянулась. И только сейчас заметила, что прямо над головой быка на фреске нарисован лабрис – топор с двумя лезвиями. Таким в старые времена убивали жертвенных животных. Не простил, значит, Зеро обиду Священному быку.

Арья уже решила уйти, как вдруг ее осенило. Бегом пронеслась по галерее, завернула за угол, шагнула в темный лестничный проход напротив убежища Зеро. И увидела свет вырубленного в стене оконного проема.

Арья осторожно заглянула в него. Комната Зеро была видна не вся, но ей открылся как раз тот угол, где он сейчас стоял к ней спиной. Сначала она не поняла, что он делает. Потом догадалась: достает что-то из потайной ниши, скрытой в стене. Когда он повернулся, стало ясно: это какая-то фигурка. Но даже со своим орлиным зрением Арья не смогла ее разглядеть. Зеро поставил фигурку на небольшую скамеечку. Сам сел на пол, скрестил ноги. Откинул назад голову, так что длинные волосы рассыпались по спине. И вдруг затянул откуда-то из нутряной глубины страшное шипение, которое поднималось, росло, заполняло пространство, словно гул от далекого камнепада.

– Иша-ша-ла-му-у...

Арья вздрогнула от неожиданности.

Голос нарастал, он уже напоминал мощную лавину, которая несется на тебя с гор, круша все вокруг.

– Иша-ша-ламу!

Лавина звука была такой мощной, что Арья, непроизвольно спрятав голову в плечи, все пыталась и не могла разобрать: кого зовет Зеро?

И только когда он в третий раз, запрокинув к самому небу голову, выкрикнул это слово, от чего воздух потемнел, сгустился и потяжелел:

– Ишашаламу!!!

Вдруг поняла, чье это имя.

Так звали бога войны. Ему на Крите не поклонялись уже много лет. Да, когда-то он помогал критянам одерживать победы в сражениях и потом пировать, радуясь добыче. Но затем ему на смену пришла женская мудрость: завоевывать стране процветание лучше не мечом, а торговлей. Богиня-мать Рея стала главной, а ее воинственный сын отошел в тень.

И вот Зеро снова звал его.

Арья почувствовала холод, хотя светило яркое солнце.

Победы этого бога всегда доставались большой кровью.

Яхтенная стоянка Крит. Наши дни

– Налетайте, девчонки! У нас прямо пир! – Энтузиастка-зожевка Рая создавала на столе натюрморт из тарелок с морковными шариками пхали, котлетами из цукини, черной икры из семян, сморщенными коричневыми лепешечками, похожими на собачий корм.

Телестерва Изольда тыкала в них пальцем и брезгливо спрашивала:

– Это что? Сыр тофу? А это? Мясо из сои? – но есть ничего не стала.

Мы только что дошлепали до столицы Крита Ираклиона, но в сам город не зашли. Тормознулись в одной из окраинных бухт, забитой потрепанными катерами и рыбацкими шхунами. Даже не пристали к пирсу. Димитрос нашел между дремлющими суденышками красный буй, поднял багром веревку, привязал ее к носу. И заявил, что мы встали на ночевку. Багровое, как лицо перезагоравшего на пляже туриста, солнце как раз собралось нырять за горизонт.

– Не поняла! Мы не сойдем на берег? – возмутилась Машка, тоскливо поглядывая на причал со столиками перед зачуханными тавернами и мангалы, от которых разносился сладковатый запах подгоревших кальмаров.

– Не сегодня, – ответил Димитрос. – Здесь швартовка у причальной стенки дорогая.

– И вообще, у нас по плану ужин знакомства на яхте! – объявила Рая.

– К черту ужин. Мне нужно позвонить, а сигнала нет! – Изольда нервно нажимала на клавиши телефона.

– Да, интернет вялый, как муж после серебряной свадьбы, – проворчала Оксана. – Димитрос, он вообще здесь работает?

– Бывают проблемы.

– Безобразия! Я должна быть на связи с режиссером! – окончательно разозлилась Изольда.

– Похоже, у нее с режиссером не только телефонная связь, – шепнула мне на ухо Машка. Кивнула Рае на заставленный тарелками стол: – Здесь не хватает одной детали.

Нырнула в каюту и вышла с бутылкой итальянского вина.

– Мы же должны отметить начало путешествия! Вино абсолютно вегетарианское! В нем нет ни крошки мяса убитых животных.

– Правильно. На диету завтра сядем! – неожиданно поддержала Машку Изольда. Через минуту она вынесла к столу бутылку французского бордо и несколько баночек гусиного паштета.

– Ой, девочки! Тогда и я! – Оксана достала из сумки целлофановый пакет с горой золотистых пирожков. – Там только картошка и капуста! – виновато пояснила она Рае. – И совсем немного печенки. Это же не мясо?

Рая несколько секунд помедлила. И приняла мудрое решение. Когда не можешь подавить бунт, надо его возглавить.

– Ладно. Только сегодня! За знакомство. Я тут тоже взяла... Для дезинфекции. Бутылку водки. Только она теплая. Пойду поставлю в холодильник.

– А вы что пьете, капитан? – игриво обратилась к Димитросу женщина-котенок Валерия.

– Я вообще не пью, – буркнул он.

– Тогда поешьте с нами!

– Спасибо. Не хочется. Я потом. – Димитрос оглядел стол, не выдержал, схватил Оксанин пирожок и пристроился в сторонке, на самой корме у руля. Может, чтобы не мешать пассажирам. А может, чтобы было удобнее смотреть на Алекса: она сидела напротив и тыкала в кнопки своего телефона.

Небо темнело, набирая фиолетовую глубину, и одна нетерпеливая звездочка уже нахально выскочила над далекими горами, не дождавшись ночи.

– Ну, за знакомство! Как говорят у нас в редакции, в такой компании мы еще не пили! – подняла стаканчик с вином Машка, когда все сгруппировались вокруг веганской еды.

– Вы тоже журналистка? – оскорбилась Валерия.

– Нет, у нас с Леной так, пиар, СММ, – подруга неопределенно махнула рукой.

Мы с ней договорились не называть места работы. Ее будут атаковать предложениями написать сенсационное расследование о хамах из ЖКХ. А меня замучают вопросами, что именно может колоть в боку, ныть под ребром или звенеть в ухе.

Валерия тут же перехватила инициативу:

– Я, как работник телевидения, предлагаю выпить...

– Тихо! – цыкнула Изольда. У нее наконец зазвонил телефон.

– Да, слушаю! – прощепетала она. – Я не пропала. Здесь не было связи! Где мы находимся? – прикрыв телефон рукой, спросила она у Димитроса. – Бухта на подходе к Ираклиону! Не знаю, как называется. Сейчас неудобно. Перезвоню!

– Режиссер беспокоится? – поинтересовалась Машка.

– Друг, – пожала плечами Изольда и потянулась к вину.

– Давайте за дружбу! – подняла стаканчик с водкой Рая. Она все же не стала ждать ее охлаждения. Я обратила внимание, какие по-мужски мощные, сильные у нее руки.

– А правда, что Данила Козловский бросил Зуеву? Не-е-ет? А Галкин на самом деле голубой, как Киркоров? Бедная Пугачева! Вот бабе не везет! А что у вас говорят, почему Петров ушел к Стасе? Она же страшная! – вцепилась в Изольду Оксана, азартно запихивая в рот шестой пирожок.

Актриса закатила глаза:

– Оксана, отстань. Я за их личной жизнью не слежу. Мне своей хватает!

– Да, зачем сплетничать о других? Давайте расскажем о себе, – вступила Рая с энтузиазмом отельного аниматора. – Летом я организовываю такие круизы, а вообще менеджер по продажам. Продаю диетическое питание «Доктор Жевако».

– Как?! – прыснули мы с Машкой.

– Ничего смешного. Это известный заграничный доктор. Биодобавки – в порошке, в капсулах. Очень удобно. Кстати, тут на Крите у меня тоже его покупают. В фитнес-клубах. Я взяла на яхту несколько баночек на пробу, можем позже провести презентацию...

– Нет-нет, у нас не рекламный тур! – быстро осадил Рая Машка.

– Почему? – заинтересовалась Оксана. – Я бы купила что-нибудь, чтобы жрать и не толстеть. А то муж гундит, что из белья на меня налазит только постельное!

– Так ты замужем? – ревниво спросила Валерия. – Чего же поехала без мужа?

– Чтобы похудеть.

– Зачем? Ты женщина в самом соку! – оценивающе оглядела ее Машка.

– Да! Все так говорят, кроме супруга! Капитан, ну разве я толстая? – кокетливо повела мощными плечами Оксана, так что ее пышные груди увесисто затряслись.

Акции Димитроса явно шли вверх. Я давно заметила: мужской профессионализм очень сексуален. А он так уверенно управлялся со своей яхтой, будто они одно целое.

– Так забей на такого мужа, – возмутилась Машка.

– Ага. Сначала своего заведи, потом на него забивай. За моим козликом уже очередь стоит.

– Такой необыкновенный мужчина? – заинтересовалась Изольда.

Оксана хохотнула:

– Такой. Он у меня массажист.

– Оп-па. Сильная заявка! – не выдержала Машка. – А сама ты кто?

– Я? Эстетист.

– Это что за зверь?

– Занимаюсь женской красотой. Мастер дизайна.

– Дизайна чего?

– Ну, ногтей...

– То есть ты маникюрша? – уточнила Изольда.

– Пока. Мы с мужем хотим открыть свой салон! – Оксана окинула нас победным взглядом.

– С тобой все понятно, – поморщилась Валерия. – Что сказать о себе? Жаль, что вы не смотрите Ярославское телевидение. Я там веду мэрский час. О! Меня вся местная администрация боится! Только захожу в зал...

– Татьяна, а вы чем занимаетесь? – неделикатно перебила ее токование Машка.

Я обратилась в слух. Что-то не так было с этой Татьяной. Перед ужином она накинула тоненькую кофточку с лейблом «Эскада». Я видела такую в ЦУМе: кофточка стоила в два раза дороже, чем вся наша поездка.

Татьяна чуть помедлила.

– Я обычная домохозяйка, – наконец мягко сказала она.

«Не свисти! – подумала я. – Наверняка в анамнезе есть какой-то крутой диплом. Глаза слишком умные. И богатый спонсор».

Но Татьяна больше ничего про себя не добавила, и в разговор снова вступила Валерия.

– Димитрос! – интимно тронула она парня за руку. – Теперь вы расскажите о себе! Как вы стали капитаном?

– Ничего интересного, – смутился тот. – Кто на Крите родился, тот с детства моряк. Пусть вот лучше Алекс...

И, покраснев, устался на пацанку, скрестившую на палубе свои нескончаемые ноги.

Валерия взбеленилась:

– Да. Кстати. Я вот не пойму. Мы пошли в круиз, чтобы осмотреть греческие достопримечательности. А ты что тут делаешь, если в Греции живешь?

Алекс равнодушно пожала плечами:

– Я тут скрываюсь.

Компания замерла. Димка устался на девчонку во все глаза.

– Секундочку! – зазвенела Изольда. – У меня в контракте прописано – никаких порочащих контактов. У тебя что, проблемы с законом?

Валерия выразительно кивнула на кольцо, сверкающее на пальце пацанки даже в отблесках лампы. Алекс рассмеялась:

– Не бойтесь. Я не преступница. И кольцо не крада. Это бабушкино.

– От кого же ты скрываешься? – спросила Машка.

– От мачехи. Короче, не парьтесь. Семейные разборки. Просто мне нужно, чтобы в эту неделю она меня не нашла.

– Почему?

– Это мое личное дело.

И Алекс снова уставилась в телефон.

Вечер знакомств подошел к концу.

Самое страшное из рассказа я приберегла напоследок. Туалет. Да, вещь низменная, но мне кажется, об этом ужасе должен знать каждый. Нам его, чуть стесняясь, показал Димитрос, когда мы спустились в каюты для ночевки.

– Немного сложновато. Но вы научитесь! – ободрил он. – Видите это приспособление рядом с унитазом? Это помпа. Переводите ручную помпу вот этим рычажком в положение «открыто». Делаете ручкой десять качков – набираете воду. Переводите ручку в режим

«закрывается». Ну, гм... садитесь. И уже потом, после всего, переводите ручку в правое положение. Прокачиваете насос еще 15 раз. Потом переводите ручку в режим «открыто». Делаете еще 10 качков. И обязательно переводите ручку в режим «закрывается». Иначе туалет затопит морской водой.

Мы остолбенело молчали.

– Вы это сейчас серьезно? – спросила Машка.

– Еще как, – вздохнул Димитрос. – Там главная сложность будет во время качки. Но ничего, как-нибудь...

Никогда, никогда я больше не буду завидовать яхтенным путешественникам!

* * *

Ионидис сидел в кресле перед телевизором, щелкал пультом. А мысль в голове крутилась как белка в колесе. Если это то, что он думает, можно стать богатым человеком. Но вдруг ожерелье – все, что есть у мальчишки?

Он мельком глянул на целующуюся на экране пару, кряхтя, потянулся к коротконогую столику, взял с него телефон. И набил СМС, шевеля губами:

«Найди, где он прячет ожерелье. Проверь, есть ли у него что-то еще. Если есть – возьми. Сообщай, где вы».

Визит дамы

Димитрос думал, что не сможет заснуть. Только прикроет веки – а там из темноты на него насмешливо смотрят ее золотисто-медовые глаза. Он зажмуривается плотнее – а ее лицо только чуть отплывает вглубь или, наоборот – дрожит на сомкнутых ресницах.

Но, выходит, он все-таки заснул, так как не сразу понял, откуда идет этот стук. А когда понял, на секунду сквозь дрему подумал: «Алекс!» Хотя ничего не предвещало ее визит.

Но дверь его каюты тихонько отворилась, и в проеме он увидел мордочку Валерии.

– Капитан! – таинственным шепотом прошелестела телевизионщица. – Мне кажется, я забыла у вас свою кофточку. Можно, я поищу?

И Валерия сделала попытку просочиться внутрь.

– Нет, нет! – Димитрос отчаянно замахал руками. – Все утром!

– Как хотите, – обиженно прогудела представитель Ярославского телевидения и растворилась в темноте кают-компаний.

Димитрос отвернулся к стене. Но тишина длилась недолго.

– Ой! Я ошиблась дверью! – услышал он низкий грудной голос.

В полутьме на пороге его каюты стояла Оксана в облегающей ночнушке. Вся роскошь ее спелого тела рвалась наружу сквозь нежный розовый шелк. Уходить она не собиралась.

– Ваша каюта прямо, – пробурчал Димитрос, делая вид, что не понимает намеков.

Накрылся простыней, поворочался, наконец заснул. И проснулся оттого, что кто-то присел на край его кровати. Димитрос поднял голову: в свете луны, льющемся из иллюминатора, на него холодно смотрела Изольда.

– Мне там что-то тесно спать, – сказала она без всякого выражения. – У тебя тут попросторнее.

Оглядела его узенькую кровать и, развернувшись, закинула на нее ноги.

– О! У тебя тоже тесно. Но ничего, поместимся. Как думаешь?

Димитрос подскочил, прикрылся простыней. Ситуация с приставаниями пассажиров не была для него новой. Море, солнце, морская еда и вино в тавернах разжигали в женщинах желания. Ну и экзотика: грек, капитан яхты...

Несколько раз Димитрос даже завязывал необременительные романы. На неделю – потом туристки уезжали. Но сейчас он реально испугался. Как-то их слишком много. И вообще, вдруг Алекс услышит, что Изольда сюда пришла?

А она уже шептала ему в ухо, засовывая руку под простыню:

– Научишь меня рулить яхтой? А я порую кое-чем еще...

– Нет, простите, – подскочил Димка как ошпаренный. – У меня... Я... Пожалуйста, идите к себе!

– Ты уверен? – изумилась Изольда. Похоже, это был первый отказ в ее многотрудной жизни. – Знаешь, какие мужики за мной бегают? Смотри, пожалеешь!

Она еще чуть подержала удивленную паузу. Может, дурак не поверил своему счастью? А потом, фыркнув, вышла.

Димка сел на койку. Вытер проступивший на лбу пот. Рейс только начался, а уже столько заморочек. Что им всем нужно? Что нужно...

Он быстро сунул руку под подушку. Ожерелье было на месте.

Совет старейшин Крит. 1628 год до нашей эры

Все уже сидели на местах. Климена опаздывала. И когда вошла, гул голосов водоворотом закружил по огромному круглому залу с высоким куполом.

Зал поражал роскошью: ниши с чудесными фресками обрамляли красные и черные мраморные колонны, мозаичный пол был похож на морское дно – голубые волны, плещущиеся дельфины, пучеглазые рыбы. А с купола всех широким жестом приветствовала золотая богиня Рея: народу на балконе казалось, что она держит их прямо на ладонях.

Собственно, для народа все это и было сделано. Решения в царстве принимались открыто: прийти на совет мог любой, для особо важных гостей в нишах стояли скамьи. Был в этом, конечно, и элемент театра: об особо важных делах участники заседаний договаривались заранее. Но иногда и здесь разгорались битвы. Оглядев стол, за которым напряженно сидели старейшины, Климена поняла, что сегодня как раз такой день.

Золотой трон Миноса Третьего в центре пустовал. Справа от него обычно сидела Климена, слева – Зеро. Но сейчас с места Климены нагло скалился ей навстречу Сатур.

– Встань, – спокойно сказала она, подойдя вплотную. – Может, ты скоро и займешь центральное место. Но мое останется за мной.

И она метнула взгляд-молнию в сторону Зеро. Тот, не поворачиваясь, чуть кивнул Сатуру. Сын царя, нагло хохотнув, встал и уселся рядом с Зеро. Климена отметила, что советник заранее втиснул туда еще одно кресло. Знал, что она сгонит Сатура. Но хотел всем показать, что трон под ней уже качается.

Старейшины с любопытством наблюдали за этой сценкой.

– Внимание! – крикнул распорядитель, ударяя колотушкой по медной тарелке. – Совет начинается!

– Перед тем как мы перейдем к главному, у меня есть сообщение! – встал со своего места Зеро. – Ты позволишь? – насмешливо поклонился он Климене.

Она удостоила его только взмахом ресниц.

– Я только что был у Миноса Третьего. Его здоровье без перемен. Мы надеемся, что боги будут к нему милостивы и он скоро поправится. А для ослабления его мучений сюда завтра прибывает лекарь с Тире.

– Почему Климена его не лечит? – подал голос один из старейшин. Он лишь вчера прибыл из далекой провинции и был не в курсе местных интриг.

– Такова воля Миноса Третьего. Я уговаривал его допустить Верховную жрицу хотя бы для осмотра. Но царь, к сожалению, не хочет ее видеть.

Старейшины, чувствуя неловкость, прятали глаза. Зрители в нишах затаили дыхание, а народ свесился с балконов, чтобы увидеть лицо Климены. Всем было ясно, что сейчас, когда Минос так ослаб, начнется битва двух лагерей в совете.

Прежде Климена всегда побеждала. Слишком много старейшин ее поддерживало. Все любимцы муз стояли за нее горой: представитель поэтов – веселый, круглый как шар Пелопс, художников, гончаров и ювелиров – рыжеволосый Феодокр, музыкантов – нежный Галий, а также представители торговцев, владельцев таверн, фермеров. При Климене их искусства и ремесла расцвели, а они стали самыми уважаемыми людьми острова.

Зеро поддерживали только военные, а они были в меньшинстве: могучий, но недалекий начальник стражи Дави, командир лучников Зен, мастер рукопашных боев Тано. Все они потеряли власть, которой обладали их предшественники, и мечтали навести в царстве свой порядок. Лишь один из представителей суровых мужских профессий в эту компанию не вошел –

командующий флотом Радамант. Он вырос вместе с Клименой, дружил с ней с детства. И, как ревниво прознал Зеро, не только дружил.

Было у них что-то, когда она еще не стала Верховной жрицей, а Радамант только получил назначение на первый корабль. Ну и потом, возможно...

Словом, Радамант всегда ее поддерживал. Для Зеро это была большая потеря. Именно флот обеспечивал мощь Крита, делал его могущественной державой. О, голос Радаманта много значил на совете!

Зеро оглядел зал, чтобы еще раз убедиться: в этот раз Радамант не приехал. Готовит к спуску корабли на Тире. Вот и отлично. Значит, можно начинать.

* * *

– Объявляйте! Чего тянуть! – крикнул с балкона кто-то нетерпеливый.

– Умолкаю. Пусть говорит глава комиссии! – Зеро сел на свое место.

Комиссия из старейшин должна была назвать счастливцев, которым повезет обслуживать Игры в честь Священного быка: кормить, поить и расселять гостей праздника. На прибыль от подрядов можно потом безбедно жить целый год. Понятно, почему и балкон, где толпился народ, и ниши со скамьями для особо важных гостей сегодня забиты битком.

Зеро послушал, как хитроглазый представитель торговцев Пеон объявляет список победителей. Подождал, пока стихнут радостные крики, недовольный свист. И снова поднял руку:

– Я хотел бы обсудить еще один важный вопрос.

– У нас нет в повестке других вопросов, – сказала Климена.

– Иногда, о медоносная, события происходят, не сверяясь с твоей повесткой. Я должен огласить волю Миноса. Но только для старейшин. Попрошу зрителей нас покинуть.

– Чего? Почему это? – раздалась сверху недовольные голоса.

Но несколько стражников уже поднимались по лестнице и вскоре кивнули с балкона: все чисто. Зрители из привилегированных ниш нехотя потянулись к выходу сами.

– Я не хотел говорить при всех, но Минос реально очень плох. Боюсь, он не скоро сможет участвовать в наших заседаниях. На время отсутствия он назначил преемником своего сына Сатура. Разумеется, в случае печальных обстоятельств Сатур пройдет все испытания, совершит ритуальный прыжок через спину Священного быка, чтобы узнать волю богов. Но сейчас он временно приступит к своим обязанностям без этих ритуалов. Минос поручил мне ему помогать.

Повисла тяжелая пауза. Потом старейшины загудели.

– Так не делается! – вскочил нервный Галий. – На все есть правила. Если царь умрет – дай боги ему здоровья, – Сатур должен пройти испытания наравне с другими юношами. Но если Минос Третий просто не может исполнять свои обязанности, его заменяет Верховная жрица. Она делала это все его правление. Не нужно ничего изобретать!

– Да! Есть Климена! Она пусть правит! – загалдели старейшины.

Голоса трех сторонников Зеро утонули в их мощном гуле.

– Я только огласил волю Миноса Третьего, – пожал плечами Зеро.

– Как мы можем быть уверены, что ты точно передаешь его волю? – наконец повернулась к нему Климена. – Ты никого к нему не пускаешь. Мы даже не знаем, в каком он состоянии и жив ли вообще. Не хочет меня видеть – это, кстати, мы тоже знаем только с твоих слов – ладно. Пусть Миноса Третьего посетят трое уважаемых старейшин и сами выслушают его волю.

– Не уверен, что состояние здоровья царя позволит сейчас их принять...

– Но с тобой же он говорит?

– Со мной он говорил два дня назад. С тех пор ему стало хуже. Мы потому и вызвали срочно лекаря. Но если старейшины хотят, они могут нанести короткий визит. Через несколько дней. Я назову время.

– Хорошо. – Климена поднялась с кресла, но Зеро остановил ее движением руки.

– Это не все, что я хотел сказать. Государству угрожает опасность. А мы живем, закрывая на это глаза. Царство погрязло в торгашестве и удовольствиях. Деньги, пиры, представления... Мы забыли страх перед богами. И мы забыли свой долг: защищать то, что завоевали предки.

По твоей воле, Климена, наши суда, которых боялись на всех морях, сейчас возят тюки тканей и горы посуды. Армия распущена. Воины стали торговцами.

Посмотрите вокруг. У нас нет никаких укреплений перед дворцами, нет стен и рвов, нет крепостей и фортов. Нет ни-че-го! Если сейчас на нас нападут, мы не сможем даже защищаться. Я уже не говорю о том, что мы перестали захватывать новые территории. А наши враги не перестали.

Микенское царство вооружается. Оно готовится к войне. И эта война будет против Крита. Старейшины! Мы должны действовать немедленно! Переоборудовать часть торговых кораблей в военные. Построить новые. Объявить призыв молодых фермеров и торговцев на службу и отобрать минимум тысячу юношей, которых научим драться и стрелять. Мастера работ по металлу должны выпускать не цапки для женщин. А мечи, кинжалы, щиты и шлемы. Да, для этого понадобятся средства. Но лучше тратить их на свою безопасность, чем пропивать на пирах. Нам нужны дисциплина. Порядок. И жертвы мужским богам. Если не начнем завоевывать мы, завоюют нас!

Старейшины притихли. Зеро не в первый раз призывал царство вооружиться и вернуться к старым временам захвата добычи и территорий. Но никогда он еще не был так убедителен.

Все за столом посмотрели на Климену.

Она обворожительно улыбнулась Зеро.

– Как ты думаешь, почему мы разрешаем шпионам микенцев спокойно расхаживать по нашим городам? Ты же не будешь спорить, что микенские друзья Сатура регулярно шлют на родину отчеты о том, что здесь видели? У меня есть несколько перехваченных у них папирусов. Так вот, почему мы не выдворяем их из царства?

А вот почему, – Климена обвела старейшин взглядом, полным сияющей энергии, – пусть видят нашу силу. Сегодня Критское царство – самая могущественная и процветающая морская держава мира. Мы контролируем все территории и острова Средиземноморья, а наш флот не имеет себе равных.

Наши хранилища полны зерна и запасов. Наши мастера владеют такими умениями, которых нет больше ни у кого от Египта до Палестины. Наши подданные живут так, как никому в других царствах не снилось. Все это потому, что мы тратим деньги не на войну, а на развитие. Совершенствуем не умение убивать, а умение создавать, изобретать, открывать новое. Мы познали тайну богов: лучше всего служат им те, кто творит, а не те, кто разрушает.

Но мы не расслабились. Все торговые корабли при опасности за несколько часов могут снова превратиться в боевые. Юноши Крита обучаются стрельбе и рукопашному бою. В состязаниях между царствами наши спортсмены всегда – лучшие.

Так что не надо пугать нас микенцами. Я видела их луки, их метательные машины и их корабли. Это прошлый век. Нам не нужны форты и рвы, потому что нам некого бояться. Если микенцы посмеют напасть, мы дадим им мощный отпор еще на море. Но! Пусть они знают!

Климена оставила сверкающие молниями глазищи прямо на Сатура, и тот опустил голову.

– Одна недружественная вылазка, одно нападение – на наш корабль, порт, да просто на наших подданных. И больше никогда никакой торговый микенский корабль не зайдет ни в одну нашу гавань. В гавани наших друзей. Они никому больше не смогут продать ни лес, ни камень.

Ничего не смогут купить. Их женщины больше не увидят критские наряды, ткани, украшения и оливковое масло. А их мужчины – наш металл, наши изобретения, орудия для каменоломен и лесопилок. Микенцы станут изгоями. Так что пусть только попробуют!

Воцарилась тишина. Потом первым заплотировал Галий. Хотя Климена была уверена: он даже не слушал ее речь.

Нечаянная встреча

Арья стояла рядом с Миной на главной площади перед продавцом инжира. Размякшие на палящем солнце плоды истекали сладким соком. Мина скользила по ним взглядом, отмахивалась от кружащих над лотком ос, как вдруг чья-то рука протянула ей самый большой фиолетовый кругляш. Она подняла голову и покраснела от неожиданности. Яр. Как он здесь оказался?

– Утощайся! – улыбнулся он. Достал из горы еще один инжир, повернулся к Арье: – Вы тоже.

И высыпал в руку торговца несколько монет. Арья взяла инжир и уставилась на Яра, будто впервые его увидела. Хотя они, конечно, встречались на пирах во дворце.

Красавец! Просто красавец! Широкие плечи, мускулистые сильные руки, тончайшая талия. Волнистые черные волосы убраны сзади в загнутую дугой косицу: мода моряков. А глаза почему-то ярко-синие. Нет, она слышала, что когда-то один из братьев Миноса Первого женился на северной красавице из совсем уж дальних земель. Была она синеглазой. И потомкам своим эту черту передала. Да только немного их было, потомков: умерла красавица третьими родами. Арья думала, что их и не осталось. А тут выходит, сохранилась в жилах критян северная кровь. Как это она раньше не обращала на Яра внимания?

Арья разглядывала капитана, захлеб рассказывающего Мине, что их корабль причалил всего час назад. Он сразу бросился ее искать в школу жриц, не нашел, но торговец пряностями сказал, что видел Мину на площади, и вот они встретились!

Арья смотрела – и словно змея ворочалась у нее в груди. В последнее время она всюду таскала Мину с собой. На рынок, на посиделки к друзьям, в гости к молодым художникам и поэтам. Замучилась. Еще и всякая дурацкая живность вечно около девчонки трется: кошки, собаки, птицы, даже ящерицы. А как-то раз вечером на плечо к этой чокнутой села летучая мышь! Арья чуть в обморок не упала. Зато, где бы они ни появлялись, все юноши смотрели на Арию и уже потом, мимоходом – на Мину. Да и на что там смотреть? Тихая, бледная, ни пошутить, ни пококетничать. Мина терялась на фоне яркой Арьи до полного исчезновения.

А вот Яр на Арию не глядел. Совсем. Уставился своими синюющими глазами на Мину и сияет, как дурак. И вечно бледная Мина, надо же, раскраснелась, глаза засветились – хоть зажмуривайся!

Похоже, тут прямо любовь. Эта мысль почему-то тонкой иглой уколола сердце.

Уж чего-чего, а поклонников Арье хватало. Красавица, первая невеста царства: все сыновья из лучших домов около нее выются. Некоторым даже везет. Любовные игры – отличное развлечение, и уж в наслаждении Арья знает толк.

И все же ни один из юношей не смотрел на нее так, как сейчас Яр – на Мину. А главное – никогда Арья не желала, чтобы так смотрели именно на нее!

Красавица прикусила губу. Чуть отодвинув Мину бедром, шагнула вперед. И тронула Яра за руку:

– Ты будешь на пиру у Галия?

– А? – Он даже не сразу вспомнил, что она стоит рядом.

– Галий сочинил гимн Игр. Ему не терпится его показать, как мужчине – новую любовницу. – Арья игриво прищурилась. – Собирает всех у себя. Ты придешь?

Яр намек про любовницу словно не заметил, стоял столбом.

Арье пришлось добавить:

– Мы с Миной там будем. Сегодня в пять. Сможешь?

Яр перевел на Мину глаза, которые снова радостно засияли.

– Ты идешь к Галию? Тогда я тоже! Там встретимся! А сейчас прости, мне нужно вернуться на корабль, мы сдаем груз. Вырвался только на минутку.

Он улыбнулся, от чего его лицо вдруг стало отчаянно нежным, махнул рукой. И исчез в толпе.

«Ну уж нет, такого красавчика я тебе не отдам!» – усмехнулась про себя Арья, провожая Яра долгим взглядом.

* * *

На самом деле Яр спешил не на корабль. Там разгрузка шла и без него. Ему нужно было передать Климене папирус от командующего флотом, задержавшегося на Тире. Что в нем, он не знал, но мог догадаться.

На Тире было беспокойно. А главное, трудно понять: что означают послания богов? Вдруг из земли вырывается столп огня. Иногда со дна моря поднимается зловонное дыхание, но вода чиста. Птицы улетели. А рыба подошла к берегу.

Народ бросал работу, толковал знаки, и тут же нашлись буйные головы, которые начали завывать на площадях:

– Во-от! Забыли настоящего-то бога? Ишашаламу еще вам покажет! Променять его на женщину! Приносить в жертву не быков, а глиняные фигурки! Ишашаламу любит живую кровь!

Климена должна растолковать, чего хотят боги. Иначе миру в царстве придет конец.

На лестнице перед покоями Жрицы почему-то стояла охрана.

Яр обратился к рослому стражнику:

– У меня послание Климене от командующего флотом.

– Стой здесь, – кивнул стражник и поплелся вверх по лестнице, волоча за собой меч.

Через несколько минут к Яру вышел начальник стражи Гупан. Хмуро спросил:

– Что у тебя за послание?

– Я передам его только Верховной жрице.

Гупан внимательно посмотрел на Яра. Чуть улыбнулся, отчего дернулся шрам над его бровью.

– Я тебя знаю. Это же ты на Тире главный чемпион? Приехал на Игры?

Яр кивнул.

– Хорошо. Климена ушла на Священную гору. Хочешь оставить послание мне?

– Нет. Мне велено – ей в руки.

– Ладно. Тогда вечером. Она пойдет на пир к Галию.

– Отлично. Я тоже там буду! – обрадовался Яр.

Сбежал по лестнице чуть не вприпрыжку. Надо надеть праздничную накидку, умастить себя благовониями. Неудобно приходиться на пир дикарем.

Поездка в Кносс Крит. Наши дни

– Фу! Какой дикарь! – фыркнула Раиса.

А Оксана, поднявшись на палубу с заветным пакетом пирожков, жалобно протянула:

– Мы что, будем кушать с видом на жопу?

На соседней, стоящей вплоты к яхте, повернувшись к нам спиной, стоял толстый, абсолютно голый мужик. И теперь он еще наклонился, так что его необъятная задница вошла перед нами вместо утреннего солнца. Лицом мужик не поворачивался – очевидно, там было нечем гордиться.

– Капитан! Вы должны это прекратить! – повернулась организаторша Рая к Димитросу, который сидел на палубе и невозмутимо возился... как яхтсмен, я должна написать: «с концом». Но язык не поворачивается. Короче, развязывал узел на веревке.

Димитрос пожал плечами:

– У нас много нудистов. Отовсюду приезжают. Это не запрещено.

Как бы в подтверждение его слов из недр соседней яхты вышла немолодая, голая и такая же толстая дама, размахивая мощными, как медные колокола, грудями. Все остальное милосердно скрывал свешивающийся живот.

Вдруг сзади раздался издевательский свист. Нудисты повернули головы.

– Зады прикройте! – крикнула им по-русски вынырнувшая из каюты Алекс: ее волосы рыжим огнем вспыхнули на солнце. – Это опасно!

Как ни странно, голые соседи ее поняли.

– Почему? – так же по-русски изумилась дама.

– Чайки залетят!

– Нахалка! – оскорбилась дама.

С ненавистью набросила на бедра накидку, достала телефон и стала фотографировать: то ли берег, то ли нашу яхту. Я даже подумала, не хочет ли куда-нибудь пожаловаться?

– Ешьте быстрее! Через полчаса у нас экскурсия в Кноссский дворец! – вернулась к роли надсмотрщицы Рая.

Я улыбнулась. Меньше чем за час Машка не собирается никогда.

Но через полчаса мы действительно сидели в ободранной красной моторной лодке, которую подогнал к яхте загорелый пляжный бой. Правда, отчалить сразу не удалось.

Сначала Алекс застряла в туалете: она никак не могла понять, куда поворачивать ручку помпы. Потом из моторки выскочила Изольда: она забыла крем от загара. Затем Оксана помчалась взять солнечные очки. Тут и Валерия спохватилась, что оставила панамку. Последней рванула в каюту больше всех возмущавшаяся Рая: она вспомнила, что нужно захватить бумажку с телефоном гида.

Наконец мы с треском домчались на моторке до пирса, где нас ждал микроавтобус. Пассажиры во главе с Машкой наперегонки бросились занимать лучшие места. Я замешкалась, вытряхивая камешек из сандалии. И вдруг услышала, как тишайшая Татьяна, спрятавшись за автобусом, выговаривает кому-то по мобиле неожиданно твердым голосом:

– Голых страшилищ ты прислал? Каких-каких! На яхте! Которые меня фотографировали. Я не выдумываю. От тебя всего можно ожидать! Не нужно меня контролировать! Ты понял?

Не знаю, как собеседник, а я поняла одно: непростой у нас круизик. О чем тут же доложила Машке, плюхнувшись рядом с ней на сиденье.

– А ты видела у нее телефончик? – поддакнула мне подруга. – До фиги стоит. Интересно, чего она тут с нами, нищebroдами, делает?

Но обсуждать дальше эту тему мы не смогли. Рядом, через проход сел Димитрос: он попросил подбросить его до Ираклиона.

...Автобус уже минут десять кружил по извилистой дороге вдоль моря, как Алекс вдруг закричала:

– Стойте! Остановите!

Все повернулись к ней.

– Кольцо! – затрясла она перед нами пустой рукой. – Я забыла в том чертовом туалете кольцо! На полочке! Сняла, когда умывалась...

– Никуда твое кольцо не денется, – пренебрежительно хмыкнула Валерия. – Капитан, вы же закрыли яхту?

– Закрыл.

– Ну и расслабься, детка.

– Если хотите, я вернусь, – повернулся к Алекс Димитрос. – Или вместе...

– Кончай звать меня на «вы»! Как ты вернешься?

– На такси.

– А что, у вас на яхтах воруют? – обеспокоенно спросила Татьяна.

– Не в этой бухте. Ее хозяина все знают. Но я могу съездить...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.